

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

А. Е. ЕРЕМЕЕВ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Учебное пособие

Владимир 2016

УДК 316.2
ББК 60.51(2)
Е70

Рецензенты:

Кандидат философских наук
генеральный директор ООО «Исследовательская компания
”Среднерусский консалтинговый Центр”»
Д. И. Петросян

Кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения,
зам. директора Гуманитарного института
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
Н. М. Маркова

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Еремеев, А. Е.

Е70 История русской социологической мысли : учеб. пособие /
А. Е. Еремеев ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. –
Владимир : Изд-во ВлГУ, 2016. – 96 с. – ISBN 978-5-9984-0698-0.

Представлен процесс зарождения социологии в России через призму направлений и школ, выразивших культурную специфику русского социологического знания. Содержательной методологической базой является многолетний опыт преподавания истории русской социологии как специальной дисциплины. Содержит лекционные материалы, вопросы для самостоятельной подготовки, темы рефератов, а также рекомендательный библиографический список.

Предназначено для студентов социологических факультетов университетов, преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин, а также широкого круга читателей, интересующихся историей общественной мысли в России.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 22 назв.

УДК 316.2
ББК 60.51(2)

ISBN 978-5-9984-0698-0

© ВлГУ, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача учебного пособия заключается в том, чтобы изложить историю основных направлений развития социологической мысли в России в их преемственности и изменчивости, показать не только их тесную связь с культурными особенностями русского народа, но и обусловленность социально-политическими событиями, происходившими в нашей стране. К сожалению, практическое воплощение данной интенции сталкивается с рядом сложностей. Дело здесь заключается не только в ограниченности объема учебного пособия, из-за чего приходится весьма избирательно подходить к отбору персоналий, оставляя без внимания некоторых выдающихся мыслителей нашей страны, но и в персонифицированности социологической теории в целом. Каждый выдающийся социолог-теоретик не столько предлагает оригинальное решение существующих проблем в науке, сколько, смотря на социальную реальность через определенную «интеллектуальную оптику», задается новыми вопросами о природе, казалось бы, привычного нам с детства общества.

История социологии является составной частью теории социологического знания, ибо исследует процесс становления и развития науки. История российской социологии до недавнего времени, несмотря на свою значимость, оставалась слабо изученной не только в мировой, но и в отечественной науке. В середине XIX – начале XX в. социология в нашей стране была запрещена царской властью, в 30-е гг. XX в. объявлена буржуазной лженаукой, и даже частичная ее реабилитация в 1956 г. началась с заимствований из США и Западной Европы.

К изучению собственной социологической традиции всерьез мы приступили лишь после распада Советского Союза. Социологию в России часто относят к «периферийной» науке, признавая первенство в области социологической мысли за такими странами, как США, Англия, Франция, Германия. По выражению известного финского социолога В. Штольте-Хейсканен, «периферийная» наука вбирает все лучшее из различных школ и направлений, стремится так или иначе интегрировать знание, тогда как выдающиеся лидеры научных школ нередко просто игнорируют то, что делают другие ученые»¹.

Несмотря на непростые исторические условия и сложности в вопросе взаимоотношения со властными структурами, российская социология успешно развивалась и смогла не только выйти на мировой уровень, но и в некоторых аспектах опередить западноевропейские и американские образцы научной мысли. Русские социологи внесли значительный вклад в развитие научных представлений о социальной реальности, с гордостью впечатав свои имена в историю социологической мысли.

¹ Голенкова З. Т., Нарбут Н. П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы : учеб. пособие. М., 2010. С. 7.

Глава 1. РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ СО ВРЕМЕН КИЕВСКОЙ РУСИ ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Первые попытки рационального изучения общественных явлений и теоретического осмысления общества в целом были предприняты еще в глубокой древности. Корни современной социологической мысли находят в трудах античных философов и прежде всего Платона и Аристотеля. Однако определение предпосылок возникновения любой науки связано прежде всего с изучением условий, при которых становится возможным данный вид человеческого знания как институционально организованной структуры. Таким образом, для возникновения социологии требовалось наличие интереса со стороны научного сообщества к изучению общественной жизни и особый способ миропознания, именуемый наукой. Все эти условия сложились в Западной Европе в эпоху модерна: «Не следует забывать о вполне конкретной локальной генеалогии большинства социальных и духовных явлений, связанных с обобщающим понятием «модернити». Следовательно, про социологию можно сказать, что облик ее в полной мере определяло (и отлично от других творений человеческого духа) ее изначально западное происхождение»².

Временем возникновения социологии принято считать 60-е гг. XIX в., а первым социологом и создателем данной области научного знания – Огюста Конта. Свою центральную работу «Курс положительной философии» он написал в 30 – 40-х гг. XIX в., а умер в 1857 г., т. е. фактически еще до появления науки, основателем которой он является. Такое расхождение в датах объясняется тем, что возникновением социологии считается момент, когда идеи, высказанные О. Контом в «Курсе положительной философии», привлекли к себе внимание и стали всерьез обсуждаться научной элитой как в самой Франции, так и в других европейских странах.

В России до 60-х гг. XIX в. труды Огюста Конта были практически неизвестны. Первым упоминанием о нем принято считать работу Валериана Майкова «Общественные науки в России», опубликованную в 1845 г. в «Финском вестнике». Также следует указать статью «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» В. А. Милютин в

² Подвойский Д. Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования. М., 2005. № 7. С. 5.

журнале «Отечественные записки» 1847 г., посвященную исследованию такой политико-экономической проблемы, как бедность. Однако, как и в Европе, данные произведения остались практически незамеченными и всерьез о позитивизме в России заговорили лишь в конце 60-х гг. XIX в. в период, когда эта тема стала актуальной и для Западной Европы.

В Англии идеи Конта оказали сильное влияние на Д. Милля, Дж. Льюиса, Г. Спенсера, «но не нужно забывать того, что последний, заимствовав у Конта идею и имя социологии, начал вплотную осуществлять эту идею только во второй половине семидесятых годов, когда вышли его книжка «Об изучении социологии» (1876) и первый том «Оснований социологии» (1877). Если принять в расчет, что в Германии Контом несколько больше заинтересовались много позже, а в Северной Америке, где Уорд положил начало социологической литературе, – только в восьмидесятых годах, то можно будет сказать, что русская литература была одной из первых, где мысль о социологии пустила прочные корни»³.

Однако из того факта, что исторические корни социологии глубоко уходят исключительно в западноевропейскую интеллектуальную традицию, не следует понимать, что в нашей стране не предпринимались попытки серьезного теоретического осмысления и практического изучения социальной действительности. Регулярное издание социологической литературы в России начинается с работ П. Л. Лаврова «Позитивизм и его задачи» (1868), «Исторические письма» (1869); Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?» (1869); Н. И. Зибера «Давид Риккардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1870), «Опыт программы собирания статистико-экономических сведений» (1875); П. Ф. Лилиенфельда «Мысли о социальной науке будущего» (1872).

Российская общественная мысль хоть и не оказала непосредственного влияния на появление социологии как особой отрасли научного знания, но тем не менее она имеет тысячелетнюю историю и, бесспорно, оказала огромное влияние и на разработку собственно социологических построений отечественных исследователей, и на образ, характер, специфику социологии в нашей стране. Общественная мысль во многом была обусловлена конкретными социально-политическими

³ Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 28 – 29.

событиями, происходившими в нашей истории. Предпринимались попытки понять, кто мы есть, в чем наше предназначение, какова наша роль в истории человечества. Подобного рода вопросы красной нитью проходят сквозь творчество практически всех философов и мыслителей нашей страны.

Рассматривая генеалогию русской общественной мысли, необходимо указать, что еще при Софийском Соборе во времена правления Ярослава Мудрого (1015 – 1054) был создан кружок книжников, которые занимались литературными трудами, в основном переводом византийских авторов и отдельных сочинений времен античности. Одной из самых ранних собственных работ (по крайней мере, сохранившихся до наших дней), содержащей в себе представление о периодизации исторического процесса, а также социально-политическую концепцию, указывающую на роль и место Киевской Руси и обосновывающую социально-политическое устройство страны, является работа Митрополита Киевского и Всея Руси **Иллариона** «Слово о Законе и Благодати». Создание работы датируется приблизительно 1030 – 1050 гг., «Слово...» написано «белым стихом» в форме церковной проповеди, его содержание обусловлено во многом социально-политическими событиями того времени. В рамках данной работы митрополит Илларион предлагает взгляд на периодизацию исторического процесса, выделяя три основных этапа: языческий, иудейский и христианский. В целом работа посвящена возникновению идеи христианства и его утверждению в борьбе с иудаизмом, распространению христианства на Руси и деяниям князей Владимира и Ярослава. В работе четко прослеживается мысль, что для сохранения стабильности в обществе необходима сильная самодержавная власть, опирающаяся на веру.

Тема утверждения христианства в борьбе с иудаизмом не была впервые поднята Илларионом. Напротив, она оказалась достаточно хорошо разработанной в рамках апологетики христианства, так как стала крайне актуальна для Европы II – V вв., когда христианство самоопределялось, вырабатывались догматы вероучения. Такие известные мыслители, как Ориген, Климент Александрийский, Тертуллиан, Иоанн Златоуст внесли значительный вклад в разработку данной темы. Однако для культурно-политической реальности Руси XI в. данная тема не просто не утратила своей актуальности, а представлялась весьма важной ввиду относительно недавнего противостояния с Хазарским

каганатом, где религией правящей элиты являлся иудаизм. Также в Киве существовал еврейский квартал и имели место быть споры иудейских священников и русских книжников, поэтому не случайно митрополит Илларион так подробно останавливается на сравнении православия и иудаизма, наглядно показывая преимущества первого. Обосновывается превосходство благодати (христианской истины) над иудейскими законами, «ибо иудеи при свете Закона себя утверждали, христиане же при благодетельном солнце свое спасение зиждут... ибо среди иудеев – самоутверждение, а у христиан спасение... ибо иудеи о земном радели, христиане же о небесном»⁴.

Работа митрополита Иллариона не была строго религиозным трудом, она затрагивала крайне острые вопросы современной ему внешней и внутренней политики. Приблизительно за полвека до ее написания в истории нашей страны произошло событие, значение которого сложно переоценить, а именно Крещение Руси и предшествующий ей процесс выбора веры. Соответственно, обоснование правильности принятого решения, безусловно, входило в интересы православной церкви во главе с митрополитом Илларионом. Религия для людей того времени не представлялась чем-то интимно личным, собственным сознательным выбором, основанным на самоопределении. Религии, скорее, представляли из себя системы мировоззрения, которые не только объясняли окружающий мир и делали его понятным, но и служили ярким маркером для групповой идентификации и отличия «своих» от «чужих». К крупным системам подобного рода, оказывавшим существенное влияние на ситуацию в Восточной Европе X в., следует отнести восточное и западное христианство, а также ислам. Русские были достаточно хорошо знакомы с этими религиями: купцы и воины неоднократно бывали в Византии, сражались в Малой Азии и на Крите, торговали с египтянами и сирийцами, ездили в Волжскую Булгарию и Хорезм. Следовательно, выбор веры оказывал очень сильное влияние на геополитическую ситуацию в регионе и автоматически ориентировал как на различные иностранные центры силы, так и на вполне определенные группировки внутри страны.

⁴ Илларион. Слово о Законе и Благодати // Первые книги Святой Руси. М. : Дарь, 2005. С. 11.

Процесс выбора веры достаточно хорошо известен и описан в древнейшем из дошедших до нас летописных сводов «Повести временных лет». У исследователей данного вопроса не существует единой версии о происхождении этого литературного произведения: это обусловлено тем фактом, что текст дошел до нас не в своем первоначальном виде, а претерпел в последующие эпохи множество изменений. Одной из наиболее авторитетных гипотез о происхождении «Повести временных лет» считается версия академика А. А. Шахматова и его последователей. Они, в частности, автором данного произведения считают монаха Киево-Печерского монастыря **Нестора**, который приблизительно в 1113 г., основываясь на предшествующих не дошедших до нас летописных сводах, создает повесть. А. А. Шахматов предполагал, что за основу Нестором был взят Древнейший летописный свод конца 30-х гг. XI в., дополненный, в свою очередь, переведенной византийской хроникой Георгия Амартола, текстами договоров Руси с Византией, а также новыми преданиями о событиях конца XI – начала XII в. Таким образом, благодаря Нестору мы имеем достаточно стройное, подчиненное единой концепции литературное произведение, повествующее о возникновении Русского государства, принятии христианства по греческому обряду и других ключевых событиях того времени.

Данное произведение не является оригинальным авторским взглядом на события тех времен. В «Повести временных лет» Нестор скорее репрезентировал представления древнерусских книжников начала XII в. о быте, нравах, обычаях русичей и их месте среди других славянских народов. То есть, выражаясь современным языком, Нестор обозначил с позиции правящей элиты ключевые направления внутренней и внешней политики Древнерусского государства. Так, согласно «Повести временных лет», «в год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?». Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами...» и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: ”Руси есть веселие пить: не можем без того быть”»⁵.

⁵ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

При обращении в новую веру всегда остро встает вопрос о совещении существующих в народе обычаев и традиций, которые передавались из поколения в поколение и стали неотъемлемой частью данной этнокультурной общности, с догматами и предписаниями принимаемой религии. В традиционных обществах для подавляющего большинства населения обычаи и традиции, глубоко укоренившиеся в социальной памяти народа, значат намного больше, нежели священные тексты, написанные зачастую на непонятном для них языке. И соответственно в случае явных несовпадений процесс принятия новой веры сопровождается глобальной мировоззренческой переориентацией, что неизбежно ввергает общество в состояние аномии со всеми вытекающими из этого социокультурными последствиями. Также при наличии достаточного количества культурных, политических и военных ресурсов у консервативно настроенной части политической элиты неизбежно возникающее сопротивление новой религии может привести к гражданской войне. Если же политическая элита и широкие слои населения едины в своей культурной ориентации, их система верований и культурных ценностей прочна, то такое общество является устойчивым к чужеродной пропаганде принятия новой религии. Сопутствующие этому процессу культурные трансформации практически невозможны.

Запрет на употребление вина и свинины были неприемлемы для русского общества того времени и особенно для политической и военной элиты, так как совместные пиры выступали в качестве обязательного ритуала, призванного укреплять существующие между князем и его дружиной узы. Совместная трапеза и распитие хмельных напитков являлась архиважной составляющей общественной жизни русского народа. Да и сегодня в российском обществе XXI в. совместные застолья выступают в качестве важной составляющей общественной жизни, призванной скреплять дружбу и находить консенсус.

Вслед за болгарами пришли иноземцы из Рима, дабы убедить принять католицизм. Нестор приводит такой ответ князя Владимира: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого»⁶. В данном случае, на основании сохранившихся сведений, объяснить причины отказа князя католикам достаточно сложно, и в этом вопросе мы займем позицию известного российского историка Л. Н. Гумилева. Он полагал,

⁶ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

что причины отказа могут объясняться неудачей, которую потерпел в середине X в. католический епископ Адальберт, прибывший с миссией крещения княгини Ольги и киевлян. А неудача Адальберта во многом связана была, по мнению Гумилева, с событиями вокруг папского престола – когда папы римские, в частности Иоанн XII, устраивали пиры в честь языческих богов и пили за здоровье Сатаны. Папский двор становился прибежищем различного рода авантюристов и скорее напоминал публичный дом, чем оплот веры и резиденцию наместника Бога на земле. Этим обстоятельством и объясняются слова «отцы наши не приняли этого». Так что традиция непринятия латинской веры восходит еще к княгине Ольге с ее сознательным выбором восточного христианства. Позиция столь авторитетного предка не могла не учитываться во внимание князем Владимиром при принятии столь важного для страны решения.

Далее в «Повести временных лет» Нестор пишет: «... пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей верою. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?». Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?». Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?». И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: "Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?"»⁷. Однако, по мнению Л. Н. Гумилева, данный фрагмент является литературным вымыслом Нестора, поскольку присутствует весьма значительная хронологическая неточность: в X в. Иерусалим был в руках мусульман, но, указав, что земля евреев была отдана Богом христианам, Нестор дополнительно подталкивает читателя к мысли о правильности совершенного религиозного выбора. Тем не менее, несмотря на явный вымысел, логично предположить, что этот фрагмент скорее упрощенно отражает попытку хазарских иудеев утвердить свое влияние в Киевской Руси.

⁷ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

Последними прислали к князю Владимиру своего посла греки, который вел учтивые беседы с князем, а также не только рассказывал о преимуществах его веры, но и активно указывал на неразумность принятия религии предшествующих послов и разъяснял князю отдельные исторические моменты и причины деяний Господа. По словам Нестора, особо впечатлило князя Владимира полотно, изображавшее Суд Господень, где праведники в веселии идут в рай, а грешники в печали – на вечные мучения. И сказал представитель греческой веры, что коли князь желает с праведниками быть, то креститься должен. Однако, принимая во внимание важность предстоящего решения, князь хоть и был впечатлен словами греческого философа, но решение незамедлительно не принял, а решил собрать больше сведений и еще раз основательно поразмыслить.

По совету бояр послал князь свое посольство, состоящее из десяти достойнейших мужей, испытать веру различных народов и с отчетом возвратиться. Посетили посольство болгар, немцев и в конце добрались до Царьграда. Императору Византийской империи было весьма выгодно обращение северных соседей в свою веру и установление определенного контроля над их действиями и в отличие от других заинтересованных сторон он проявил определенную смекалку: «... царь обрадовался и в тот же день сотворил им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». ...и пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую... и отпустили их с дарами великими и с честью». Вернувшись в Киев, представители посольства негативно отозвались об обрядах мусульман и католиков, а восхваляли восточное христианство: «... и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом ...не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать»⁸.

Последним, но немаловажным условием князя Владимира стало требование выдать за него сестру императора, которое выполнили. Так,

⁸ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1. СПб., 1997.

принял князь Владимир крещение по греческому обряду в захваченном у Византии городе Корсунь. Культурные и военно-политические следствия выбора веры были очень велики. Таким образом оказались не только решены определенные внешнеполитические задачи того времени благодаря обретению сильного союзника в лице Византии и обозначена ориентация верховной власти на определенные культурно-политические группы внутри страны, но и Русь обрела тысячелетнюю историю.

Спустя несколько столетий монах псковского Спасо-Елеазаровского монастыря Филофей создал одну из главных доктрин Московского государства, во многом определившую направление внутренней и внешней политики России вплоть до революций 1917 г. и вошедшую в историю под названием «Москва – третий Рим». Сведения о Филофее крайне скудны: известно только, что жил он во время правления великого князя Московского Василия III и характеризовался как весьма авторитетный человек своего времени, признанный борец с несправедливостью и обличитель неправд. О себе отзывался со скромностью – «... не в Афинах родился, ни у мудрых философов учился, ни с мудрыми философами в беседе не бывал. Учился есмь книгам благодатного закона...» (из послания дьяку М. Мунехину). Эти слова, с одной стороны, могут расцениваться как проявление скромности, а с другой – дают повод некоторым исследователям отнестись к признанию к собственной невежественности и усомниться в том, что он был способен создать столь значимое для нашей страны произведение. Мы склонны рассматривать монаха Филофея как действительного автора доктрины «Москва – третий Рим». Однако не стоит это понимать как некий гениальный провидческий акт творения, который настолько глубоко проник в сердца и души русского народа, что стал путеводной звездой, озаряющей весь имперский ориентированный путь царской России.

Монах Филофей, будучи, несмотря на свою скромность, бесспорно, одним из образованнейших людей своего времени, лишь в письменной форме обозначил и без того существовавшие в обществе умонастроения, придав им чуть более строгие очертания. Другими словами, последующая политика Московского государства во многом определялась значимыми политическими событиями того периода и реакцией на них политической элиты Москвы, в духовно-культурном плане совпадающей с чаяниями народа, а не успешной пропагандистской деятельностью монаха Филофея.

Здесь следует упомянуть два архиважных для последующей истории России события XV в. В 1438 – 1439 гг. в городе Ферраре проходил XVII Вселенский собор, созванный Папой Евгением IV и получивший название Ферраро-Флорентийского. Вселенский собор представляет собой сбор высших иерархов христианской церкви для обсуждения и принятия важнейших церковных решений. На соборе присутствовало свыше 700 высокопоставленных церковных иерархов восточной и западной христианских церквей, среди которых стоит упомянуть Константинопольского Патриарха Иосифа II, полномочных представителей Патриархов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, Митрополита Киевского и всея Руси Исидора, а также Византийского императора Иоанна VIII Палеолога. По итогам данного собора был подписан орос (Флорентийская уния), важнейшей составляющей которого явилось признание главенства Папы Римского во Вселенской Церкви.

Подписание унии происходило при весьма непростых обстоятельствах: Византийская империя вела тяжелую оборонительную войну с молодым и сильным исламским государством – Османской империей, находясь под угрозой уничтожения, и отчаянно нуждалась в военной помощи со стороны братьев по вере. Также непросто обстоит дело и с самим процессом подписания ороса. По воспоминаниям участника данного собора Софрония Сиропула⁹, в будущем ставшего Константинопольским Патриархом, многие участники собора не были знакомы с содержанием подписываемого ими документа. По прошествии нескольких лет многие участники собора, представлявшие интересы восточной христианской церкви, стали указывать на тот факт, что вынуждены были подписать данный орос, находясь под сильным давлением со стороны латинского духовенства. Представлявший нашу страну Митрополит Киевский и Всея Руси Исидор по возвращении на родину был арестован, бежал и продолжил деятельность в лоне Римской католической церкви в сане кардинала. Тем не менее, подписание флорентийской унии существенно подорвало позиции восточнохристианской церкви и ослабило авторитет Византийской империи. Многим начало представляется сомнительным, что некогда великая импе-

⁹ См.: Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438 – 1439) : в 12 ч. СПб. : Изд-во Олега Абышко : Университетская книга, 2010. 352 с.

рия и защитница «истинного христианства» способна не то что являться оплотом истинной веры и защитницей православных всего мира, но и даже уберечь себя от неминуемой гибели.

Вторым событием, потрясшим весь мир и оказавшим сильнейшее влияние на дальнейшую судьбу Московского государства, явилось падение Константинополя в 1453 г. После продолжительной осады, сопровождавшейся непрерывными артиллерийскими обстрелами, город был взят осаждавшими его турками. Император Константин XI пал в бою с мечом в руках, защищая город. По преданиям, почти все защитники города, не сумевшие спастись, прорвали окружение и пали в бою. Мехмед II пощадил лишь тех, что укрылись в Соборе Святой Софии. Падение Константинополя означало конец великой Византийской империи, что православными по всему миру воспринялось как Божья кара за грехи и утрату истинной веры. Их взоры постепенно стали обращаться в сторону Московского государства, которое постоянно укреплялось и расширяло свои границы. Складывалось представление, что Византия погибла, утратив веру, а Русь ее хранит и возвышается. Именно в такой геополитической обстановке **монах Филофей** формулировал свои представления о роли и месте Русского православного государства и московского государя как единого во всей поднебесной христианского царя¹⁰, оформляя их в посланиях государю Василию III и фактическому управляющему Псковом дьяку Мисюрю–Мунехину¹¹.

Всю теорию Филофея емко можно выразить в следующих словах: «Два Рима пало, третий стоит, а четвертому не бывать». Идея о том, что всемирное главенство теперь переходит от Царьграда к Москве, доказывалась Филофеем различными способами, однако прежде всего он указывает на династическую преемственность русских князей и византийских императоров, тем самым подтверждая законное право и

¹⁰ Великий князь Владимирский и Московский Василий III Иванович (1479 – 1533) впервые в истории Руси в договоре от 1514 г. с императором священной Римской империи Максимилианом I именуется царем (цезарем).

¹¹ Михаил Григорьевич Мунехин (Мисюрь) с 1510 по 1528 гг. был дьяком великого князя при псковских наместниках, фактически выполняя роль главы Пскова, пользовался непререкаемым авторитетом и считался умнейшим человеком своего времени. Прозвище Мисюрь предположительно происходит от арабского названия Египта – Миср – и, возможно, было дано Мунехину, так как он много странствовал по Востоку, бывал в Царьграде, Святой Земле, Египте, служил при турецком посольстве. С его слов вскоре по возвращении были написаны рассказы о Царьграде и Египте.

обязанность последних следовать традициям своих предков, защищать интересы православной церкви и православных христиан всего мира. Монах Филофей совершенно не случайно касается вопроса династической преемственности, ведь для мировоззренческой системы людей традиционных обществ ключевым обоснованием законности притязаний на занятие желаемого социального положения всегда выступала апелляция к происхождению. Родословная во многом предопределяла равно как будущие возможности, так и необходимость выполнять соответствующие обязанности. Причем подобного рода ограничения воспринимались как сами собой разумеющиеся, а следовательно, абсолютно справедливые. Стать царем и принять на себя все соответствующие обязанности можно только по праву рождения. Интересно, что царь представлялся не только как глава государства, но и прежде всего как глава христианской церкви и всего христианского мира. Подобного рода система отношений между светской и религиозной властью будет в дальнейшем именоваться цезарепапизмом. Данный термин католическая историография использовала в основном для обозначения соответствующей системы отношений в Византии, однако он в равной мере применим и к Российской империи, которая многое унаследовала от своей великой предшественницы.

Быть главой православных и защитником веры означало не только необходимость выполнять соответствующие ритуальные действия, придерживаться определенной системы ценностей, но и проводить соответствующую внутреннюю и внешнюю политику. Вот почему вернуть Царьград и прежде всего Собор Святой Софии в лоно христианского мира стало несбыточной мечтой и устремлениями всех последующих русских царей. В интеллектуальной истории России к теории Филофея обращались многие историки, философы, публицисты, среди которых были как апологеты, так и непримиримые критики. Однако даже сегодня, по прошествии многих столетий, с учетом огромного количества судьбоносных событий в истории нашей страны многие православные народы по традиции продолжают смотреть на Российскую Федерацию с надеждой – как на защитницу своих интересов.

В недрах религиозного в своей основе и традиционного русского общественного сознания с середины XVI в. и на протяжении всего XVII в. развивались тенденции, обозначившие отход от норм средне-

векового мышления. Широкую программу реформирования основных институтов российского общества предлагал в середине XVI в. известный мыслитель **Иван Семенович Пересветов** (точные даты жизни неизвестны). В соответствии с идеями И. С. Пересветова следует устранить социальное неравенство, которое не способствует прочности государства и общественному спокойствию, а также изменить социальную структуру путем приглашения на службу свободных людей, интересы которых совпадают с государственными.

Другой известный публицист XVI в. **Ермолай-Еразм** (даты жизни неизвестны) наметил программу, в центре которой стояли общие проблемы российского общества. В самом известном из его трудов «Благооходящим царем правительница и землемерие» рассматриваются вопросы политического, нравственного, церковного, экономического характера, а также положение дел в сельском хозяйстве и меры по улучшению условий труда и жизни главного производительного сословия – крестьянства. Ермолай-Еразм, как и Пересветов, апеллирует к государственным мерам в надежде на добрую волю и понимание главы государства.

Особенно хотелось бы выделить **Юрия Крижанича (XVII в.)**, выступавшего за содружество славянских народов под эгидой русского государства с единой униатской церковью. Ю. Крижанич собрал большой и интересный материал о различных сторонах российской действительности. Знакомство с политическими порядками европейских стран позволило ему провести сравнительный анализ и представить прогноз дальнейшего развития России с учетом уже накопленного другими народами опыта государственного и правового строительства. В основание социологии Крижанич положил богословский принцип, полагая, что все государства, в том числе и Российское, возникли по воле Бога.

В первой четверти XVIII в. общественная мысль взяла вектор на раскрепощение, нахождение новых форм, освобождение от некоторых традиционных церковных рамок и ограничений. Заинтересованность мыслителей в научных и политических знаниях привела к возникновению светской культуры. Сплоченные глубоким интересом к науке и стремлением к развитию Российской империи виднейшие

представители дворянской идеологии – В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир, А. М. Черкасский, Н. Ю. Трубецкой – объединяются в кружке, основанном Феофаном Прокоповичем под названием «Ученая дружина Петра I», и принимают активное участие в разработке и реализации реформ.

Феофан Прокопович (1681 – 1736) занимался публицистической, педагогической и государственной деятельностью, стремился придать процессу обучения научный характер, наглядность. Мыслитель выступал против авторитаризма, религиозного фанатизма и догматизма, призывал людей руководствоваться разумом, здравым смыслом, а также обосновывал необходимость расширения образования среди всех людей, независимо от их происхождения и имущественного положения. Феофан является одним из самых прогрессивных и талантливых людей своего времени: философ, математик, проповедник-публицист, драматург, поэт, меценат, виднейший государственный и церковный деятель, оказавший огромное влияние на развитие идей Просвещения в России. Вряд ли можно найти в небедной яркими персонажами российской церковной истории XVIII в. более сложную и противоречивую фигуру, чем Прокопович. Образованнейший человек своей эпохи, он обладал одной из обширнейших в стране библиотек, хорошо разбирался в отечественной и зарубежной литературе. При построении своей политической концепции он обращался к трудам античных и современных европейских мыслителей, а также широко пользовался отечественной литературной традицией.

Многие вопросы, относящиеся к характеристике процесса познания, Ф. Прокопович рассматривал в лекциях «О риторическом искусстве», читаемых им в стенах Киево-Могилянской академии. Этот курс о правилах красивого слога опирался на новые духовные явления России конца XVII – начала XVIII в., отвечая на интерес нового века к логическим знаниям: изучались методы поиска решений с помощью рационалистического подхода, которые опирались и на сложившиеся принципы риторики, и на рационализированные принципы и формы диалектики, майевтики, герменевтики. В своем курсе «Натурфилософия» Феофан Прокопович пытался сблизить философию и естествознание, детально рассматривая такие понятия как бытие, сущность,

субстанция, материя, движение, пространство, время, причинность. В рамках механистического понимания Ф. Прокопович высказывал идею об универсальности движения как всеобщего свойства материи: движение лежит в основе всех изменений и превращений.

Являясь по сути сторонником наследственной абсолютной монархии, Феофан считал источниками государственной власти Божью волю и волю народную, вводил в русскую политическую культуру неизвестные прежде понятия, например, понятие «общей пользы». В качестве оправдания неограниченной власти государя он охранял и ее божественное происхождение: так власть, по мнению Прокоповича, призвана руководить как частной, так и общественной жизнью подданных, устанавливать обряды гражданские, церковные, менять обычаи. Его принцип «общей пользы», в свою очередь, заключался в отрицании феодальных норм отношения к людям труда, поскольку эксплуатация крестьян причиняет материальный и моральный урон государству: «Всякая власть верховная едину своего установления вину конечную имеет всенародную пользу»¹².

Вслед за Прокоповичем **Василий Никитич Татищев (1686 – 1750)**, в котором органично сочетались политический деятель и ученый с широким кругозором, затрагивал вопросы экономики, социологии, политики, отношение к вере, философии и морали. Главное сочинение В. Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через 30 лет собранная» представляет собой фундаментальное исследование обоснования программы петровского государства, где на место божественного промысла ставятся интересы и разум человека. Общественное благополучие зависит, согласно Татищеву, от уровня просвещения, упорядочивания классовых отношений, богатства страны, формы правления, где интересы дворян отождествляются с интересами всего народа. Наука опирается на разум, с помощью которого рассматривает телесное в мире и человеке, и должна раскрыть человеку его свойства и силы, отношение к природе и обществу с практической (полезной) точки зрения.

Почти все стороны русского общества с проектами и решениями изложены в трудах князя, сенатора, государственного историографа

¹² Прокопович Ф. Правда воли монаршей в определении наследника державы своей. М., 1726. С. 27.

Михаила Михайловича Щербатова (1733 – 1790) «История Российская с древнейших времен», «О необходимости и пользе гражданских законов», «О повреждении нравов», «Путешествие в землю Офирскую», «Разные рассуждения о правлении». Все перемены, о которых писал М. М. Щербатов, предполагалось осуществлять исключительно постепенно, эволюционным путем, с помощью таких главных рычагов, как введение «хороших законов» и просвещение народа. Что касается устойчивости общественных порядков, то тут все должно остаться по-прежнему, т. е. сословное деление сохраняется – господствующее положение дворян, основанное на монопольном праве владения землей и крестьянами. Освобождение крестьян он откладывал на будущее, так как крестьяне не просвещены и нравственно не подготовлены к свободной жизни. М. М. Щербатов был сторонником ограниченной монархии с прочной законодательной основой и опорой на представительные общественные институты с аналогией семейного уклада.

Весьма значительный вклад в развитие русской социологии, положив начало революционной идеологии и создав теорию социальных превращений, внес **Александр Николаевич Радищев (1749 – 1802)**. Мыслитель выдвинул закон восходяще-циклического развития общества: в нем происходит постоянная борьба между началами равенства и неравенства, порождая попеременное тождество, но, проходя круг за кругом, общество, как и природа, совершенствуется. Общество мыслителя должно строиться на союзе равных, не знающих деспотизма и эксплуатации людей, таким образом выступая за республику как лучшую организацию управления. А. Н. Радищев уделил внимание таким социальным проблемам, как уничтожение крепостного права, эксплуатации и самодержавия, распределение общественного богатства, достижение свободного общества.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Особенности донаучного этапа развития социологии.
2. Условия и предпосылки становления социологии в России.
3. Значение работ П. Я. Чаадаева для оформления и самоопределения русской социологической мысли.
4. Запад и Восток как два вектора развития России.

Глава 2. ПОЗИТИВИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Отечественные мыслители 30 – 40-х гг. XIX в., знавшие западную литературу, регулярно следившие за прессой, свободно ориентировавшиеся в европейских событиях, отмечали общность умонастроений французского и российского обществ, но при этом они видели те огромные трудности, которые стояли на пути общественного движения России. Это делает понятным тот отклик, который с самого начала получили идеи Огюста Конта в образованном обществе. Собственная традиция изучения общественно-исторических событий в рамках критической школы русской историографии явилась базисом для восприятия позитивистского учения в России. Тем не менее, главным событием, положившим начало становлению новой научной дисциплины, было знакомство образованных людей с доктриной Огюста Конта, изложенной в известном его труде «Курс позитивной философии», который русские мыслители могли читать в оригинале сразу же после публикации во Франции.

Впервые русского читателя познакомил с идеями О. Конта **Валериан Николаевич Майков (1823 – 1847)**, напечатавший в 1845 г. в «Финском вестнике» статью «Общественные науки в России», где индивидуалистическому подходу английской политической экономии противопоставил органический характер французской философии и высказал по поводу общественной науки ряд мыслей. В 1860-е же гг. был переведен на русский язык уже целый ряд книг, несущих на себе влияние позитивистских подходов либо излагающих идеи позитивистской социологии. Позитивизм в России был первым большим и влиятельным учением с момента основания социологии до начала XX столетия. Он дал отечественной и мировой науке много крупных имен, внесших ценный вклад в теорию и методологию обществоведения.

Стоит заметить, что любые достижения европейской мысли становились предметом внимательного изучения и квалифицированной критики у нас в стране, тогда как о научной жизни в России на Западе узнавали, как правило, только из личного общения. Такова одна из характерных особенностей социологии в России – односторонний характер ее связей с наукой Запада. Другая особенность отечественной интеллектуальной жизни заключалась в беспрекословной вере в науку,

в возможность разрешения общественных вопросов ее средствами. «Хорошее знание русскими социологами положения в западной науке давало им, при всех имеющихся трудностях внутреннего порядка, большие преимущества: их произведения отличались широтой охвата проблем и демонстрировали значительные достижения не только отечественной науки. В ряде случаев можно даже говорить об опережении русскими социологами их западных коллег в важнейших областях социологического знания»¹³. Позитивистская социология в России по сути явление самобытное, разноликое, нередко смешанное с другими течениями. На идеях О. Конта, Г. Спенсера и их последователей были воспитаны несколько поколений социологов, многие из которых сочетали профессию социолога с другими специальностями.

Среди идей О. Конта следует назвать, во-первых, его закон трех стадий в умственном развитии человечества, согласно которому человечество, пройдя теологическую и метафизическую стадии, достигает стадии позитивного состояния ума, выражающегося в научном мышлении. Объявив преходящими, а значит и устарелыми, попытки искать за наблюдаемыми фактами теологические и метафизические сущности, О. Конт словно освободил науку от комплекса неполноценности перед освященной традицией авторитетов теологии и метафизики. Само слово «позитивный» в устах О. Конта противопоставляло реальное химерическому, полезное – бесполезному, достоверное – сомнительному, точное – смутному, созидующее и организующее – разрушительному и отрицательному. Вторая идея – это контовская классификация, устанавливающая иерархию наук в порядке убывания общности и возрастания сложности. Этот ряд начинается с математики и через астрономию, физику, химию и биологию завершается социологией, которая, подчиняясь законам предшествующих наук, призвана открыть еще и свои специфические законы, отличающиеся от всех прочих, но также входящие в разряд естественных. Третьей идеей стал провозглашенный Контом в его работе «Система позитивной политики» (1851 – 1854 гг.) так называемый «субъективный метод», с помощью которого, согласно Конту, человек, исходя из глубинных сердечных влечений, приходит к «истинной морали» и позитивной религии.

¹³ Цит. по: Кукушкина Е. И. Русская социология и западная наука (XIX – начало XX вв.) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 114.

В этой связи саму программу позитивизма отражает фрагмент, взятый из контовского «Духа позитивной философии»: «Основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении или тяготении, или о мышлении, мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования»¹⁴. Особое место в истории развития позитивизма в России принадлежит Евгению Валентиновичу де Роберти, широко известного не только в качестве социолога, но и психолога и философа.

Евгений Валентинович де Роберти (1843 – 1915) родился 13 декабря в селе Казацком Подольской губернии в дворянской семье. Окончил Императорский Александровский лицей в 1862 г., в конце 1862 г. поступил в Гейдельбергский университет на факультет права, в начале 1864 г. со своим другом открыл газету «A tout venant je crache» («Плюю на каждого пришедшего»). Совет университета отправляет его из-за дуэлей в академический отпуск, и де Роберти поступает в университет Йены, где потом защищает свою диссертацию «Некоторые разъяснения по поводу внутренней организации Новгорода Великого в средние века», оставшуюся неопубликованной. Немало времени Евгений Валентинович проводит во Франции, где пишет основную часть своих публикаций, но в связи с жесткой российской цензурой некоторые из них остаются непереуведенными.

В 1867 г. вышел первый том «Капитала» К. Маркса, на который Де Роберти пишет статью-отзыв, а также статью-отзыв «Политическая экономия и общественная наука» на труд американского экономиста и социолога Г. Ч. Кэри «Основания социальной науки». Это была первая научная публикация де Роберти, где он подвергает анализу политическую экономию, критикуя Кэри за то, что он использует понятия «обмен» и «общество» как тождественные. Де Роберти говорит, что поли-

¹⁴ Цит. по: Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д. : Феникс, 2003. С. 73 – 74.

тическая наука не может быть признана общественной наукой – предмет одной из частей социологии у Кэри превращается во всю науку общества. По мнению Евгения Валентиновича, Кэри выражает свою точку зрения на общественную науку как экономист, рассматривавший ранее преимущественно экономические явления, поэтому естественно считавший их главными. Таким образом, политическая экономия у него затмевает социологию, и обе из-за этого не раскрыты. В итоге политическая экономия вынуждена заниматься факторами не только экономического, но также умственного и нравственного прогресса, в результате чего становится шаткой и неопределенной; социология же изменяет свою точку зрения и теряет свою полноту и общность. Е. В. Де Роберти обращает внимание на само понимание Кэри общества – оно уже неверно, так как общество – это не просто агрегат индивидуумов, как думал Кэри, а скорее, то, что ведет к постоянному смешиванию индивидуума с обществом, а также психологических законов, применимых к индивидууму, с социологическими, применимыми к обществу. Социология изучает статические и динамические условия существования обществ с целью открыть законы, управляющие целыми обществами как особыми организмами, а не законы, управляющие одними только индивидуумами, хоть эти индивидуумы рассматривались в агрегате с другими.

В этой статье отразилось все то, чем де Роберти будет продолжать заниматься в течение всей своей социологической деятельности – отстаивать специфичность социологии от попыток навязать ей понимание общества как просто суммы индивидов, а также от того, что социология – не более, чем раздел психологии. Эта работа исторически ценна, так как в ней де Роберти пишет о том же, о чем спустя четверть века скажет Эмиль Дюркгейм. Во второй своей статье «Некоторые законы политической экономии», вышедшей в 1869 г., он обращает особое внимание на то, что ценность имеет социальный характер, чем не соглашается с К. Марксом, для которого ценность носит экономический оттенок. Ассоциация людей, как пишет де Роберти, составляет внутреннее содержание общества, влияние ее на ценности несомненно. Отдельно взятый индивид, изолированный от общества, не способен ни к накоплению знания и сбережению труда, ни к умножению капитала, ни к понижению процента и возвышению заработка. Единичный человек не способен к прогрессу, без соединения с другими людьми он

оставался бы на той же ступени развития, на которой был при появлении человека как такового на Земле. Все успехи цивилизации, а также развитие ценности в данном смысле, получены путем ассоциации. Однако стоит заметить, что Евгений Валентинович не был доволен своими первыми статьями, что видно по его письмам Г. Н. Вырубову.

В 1880 г. была опубликована первая большая работа Е. В. де Роберти «Социология», куда вошли девять статей, публиковавшихся в «Позитивной философии» под общим названием «Социологические заметки». Посвящена данная работа творчеству О. Конта: здесь де Роберти ведет одностороннюю полемику с основателем социологии. Евгений Валентинович попытался соединить биологическое и социальное исследования – все сказанное о биологии может быть применено и по отношению к социологии, а именно – наблюдение в биологии является единственным «настоящим фундаментом» научного здания, затем следует только опыт и научное описание. Глава Священного Синода К. П. Победоносцев, считавший, однако, что содержащийся в ней позитивизм может составить конкуренцию православной вере, запрещает и изымает книгу из тиража.

Науки де Роберти подразделял на абстрактные (или отвлеченные) и конкретные: отвлеченная наука анализирует при помощи простого наблюдения и экспериментов с целью определения естественных законов; конкретная наука изучает сложные агрегаты, составленные и исследованные отвлеченными науками с целью полного анализа. Методы же этих наук совпадают, так как научное описание, как и анализ, являются одинаковыми приемами исследования. Различие между наукой отвлеченной и конкретной заключается только в том, что конкретная наука не достигает ни познания новых свойств объекта, ни более совершенного их изучения. Однако конкретная наука не может быть четко противопоставлена науке абстрактной, поскольку является ее необходимой логической противоположностью.

Социология у Де Роберти представляется наукой самой описательной из всех абстрактных наук в соответствии с тем, что она только в начале своего развития, а начало и первые шаги всегда связаны с описательными исследованиями. «Мы оба смотрим на социологию и биологию как на описательные науки по преимуществу; но, по мнению Спенсера, это науки конкретные, по-моему – абстрактные. Описание как научный метод не может служить для определения абстрактного

или конкретного характера науки; оно есть не более как средство, которое можно безразлично употреблять для достижения целей абстрактной науки и совершенно отличных от них целей науки конкретной»¹⁵. Чтобы поднять социологию до естественной науки об обществе, необходимо прежде всего, по мнению де Роберти, прибегнуть к методу сравнительного и аналитического описания.

В своих работах де Роберти критикует биологические теории социальной эволюции, считая их объяснения того, каким образом и почему развивалось общество, недостаточными, поскольку не обращается никакого внимания на социологическую область. Он считал, что социальная эволюция и биологическая не могут быть смешаны, и условия социальной эволюции следует искать непосредственно в общественных явлениях путем наблюдения. Де Роберти ставит все социальные процессы и явления в один эволюционный ряд: психологическое взаимодействие – общественные группы – личность – наука – философия – искусство – практическая деятельность. Последние четыре пункта выступают основой теории «четырех факторов цивилизации», выдвинутой де Роберти. Человек превращается в разумное существо под воздействием социальной энергии, вырабатываемой частым соприкосновением или столкновением сознания, отсюда берет начало цивилизационное развитие¹⁶. Психологическое взаимодействие между группами является высшей формой общественности и главной причиной социальных явлений: «Бедные позитивисты! Как, после всех знаменательных открытий последнего времени, все еще упорно настаивать на том, что законы жизни нужно искать в явлениях жизни, а не в явлениях частичного притяжения и отталкивания, что, признаемся, было бы гораздо проще?»¹⁷. Исследуя суть индивидуальных сознаний, социолог должен выделять в них элемент психофизического взаимодействия. В данном случае задачи социолога и психолога не будут совпадать, ибо деятельность психолога в подобной ситуации окажется направлена на внутреннюю связь.

¹⁵ Де Роберти Е. В. Социология. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. С. 140 – 141.

¹⁶ Новикова С. С. История развития социологии в России. М. : Воронеж, 1996. С. 51 – 52.

¹⁷ Де Роберти Е. В. Указ. соч. С. 135 – 136.

Социологические взгляды де Роберти эволюционировали. В начале научной деятельности он считал социологию наукой, изучающей особые социальные законы, не сходные с законами биологии и психологии. Такие законы управляют обществом, а также различаются с законами индивидуального развития. Для социологии задача заключается в том, чтобы эти законы открыть. Вследствие чего социология стала пониматься Евгением Валентиновичем как универсальная наука о человеческом духе, куда включены политика, история науки, философии, искусства, этика, эстетика, юриспруденция, теория познания и т. д. Несмотря на данное разнообразие, у социологии цель одна – познание законов психического взаимодействия. И поэтому социолог особенно следит за теми фактами, в которых это взаимодействие, соединяясь с двумя другими основными видами энергии в природе, выражается наиболее сильно и ярко – историческими событиями. Их совокупность являет собой обширную область – естественную историю обществ, являющуюся главным полем исследований социолога, огромной лабораторией, в которой его анализ стремится побороть эмпирическое препятствие: «Главным полем, но не единственной ареной: так как социолог должен одинаково уметь направлять свое исследование и в сторону более простых, психологических фактов»¹⁸. Затем в 80-е гг. он меняет свою точку зрения и считает, что социология – абстрактная и описательная наука. В 90-е гг. расширяет предмет социологии, добавив туда мораль. Тем самым де Роберти отождествляет социологию с этикой: «Этика, как мы ее понимаем, – это мораль, ставшая абстрактной социологией»¹⁹.

Де Роберти приводит определение общества, приемлемое многими социологами и по сей день: общество должно рассматриваться отнюдь не по подобию человеческого организма, а как среда, как внешний фактор. В социальной среде индивидуальность в своих способностях крайне изменяется, превращаясь в социальный атом — носителя и проводника новых явлений, элементом несвойственных биологии сочетаний явлений; отсюда начинается психологический расцвет. Отсут-

¹⁸ Де Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909. С. 86.

¹⁹ Цит. по кн.: С. С. Новикова. Указ. соч. С. 49.

ствие переведенных на русский язык работ и «тяжелый» стиль изложения привели к почти полному забвению идей автора. После его смерти лишь Пителир Сорокин систематически о нем упоминал и поддерживал память о нем в своих работах.

Схожих взглядов, что и Е. В. де Роберти, придерживался **Николай Иванович Кареев (1850 – 1931)** – историк, философ, социолог – настойчивый и убежденный последователь и популяризатор идей О. Конта, крупнейший представитель классического позитивизма в социологии. Николай Иванович Кареев родился 24 ноября 1850 г. в Москве. В 1873 г. окончил Московский университет, где занимался историей Великой французской революции. В юности испытал влияние идей Л. Фейербаха, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и особенно Д. И. Писарева, а в дальнейшем – субъективистов П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. В 1879 г. Николай Иванович возглавляет кафедру истории в Варшавском университете, будучи профессором, затем работает в Петербургском университете, а с 1910 г. – член-корреспондент Российской академии, с 1929 г. – почетный член АН СССР.

В 1879 г. Н. И. Кареев написал свой труд «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века»; в 1881 г. вышел его «Очерк истории французских крестьян с древнейшего времени до 1789 года». Тем самым он закрепил за русской наукой приоритет в области конкретного изучения крестьянского вопроса накануне и в период Великой французской революции. Также значимыми социологическими работами являются: «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (1889 г.), «Историко-философские и социологические этюды» (1895 г.), «Старые и новые этюды об историческом материализме» (1896 г.), «Введение в изучение социологии» (1897 г.), «Историка. Теория исторического знания» (1913 г.), «Историология. Теория исторического процесса» (1915 г.), «Общие основы социологии» (1919 г.) и ряд журнальных статей. В общей сложности он написал 80 книг и статей по социологии, философии и истории.

Что касается социологических воззрений Н. И. Кареева, особое внимание он уделял коллективной психологии: критикуя классификацию Конта за то, что тот неоправданно перешел от биологии к социологии, не выделив между ними место психологии, Кареев ставит между ними еще одно звено – коллективную психологию, которая и может служить основой социологии. Все общественные явления в итоге

можно считать взаимодействием между отдельными людьми. Так же как и у Е. В. де Роберти, теоретическая социология Николая Ивановича Кареева постоянно соприкасается с философией и психологией, в особенности с социальной. Но все-таки социология, по его мнению, должна подразумеваться как учение об обществе, и никакая логика общественных наук и методология политики, юриспруденции, политической экономики или истории не заменяют собой методологию социологии.

Определяя социологию как науку, Н. И. Кареев выделил ее предмет в более широком и более узком смыслах: в первом смысле она занимается изучением законов, управляющих всеми явлениями, происходящими в обществе, а во втором – социально-психологических, социально-биологических и социальных в более узком их смысле. Социология, исходя из точки зрения Кареева, проистекает из определенного мировоззрения, общего взгляда на общество, который создается социальной философией. В то же время она должна основываться не на произвольных понятиях, а фактах и научных данных; социологу необходимо опираться на объективный метод, а не на субъективный, т. е. наблюдать, классифицировать социальные факты по тем или иным реальным основаниям, изучать явления такими, какие они есть, избегать субъективных подходов и оценок.

Как и Е. В. де Роберти, Кареев считал, что психические взаимодействия людей лежат в основе их общественного развития, ибо обуславливают их экономические, политические и другие взаимодействия, результатом которых выступает развитие всех сфер жизни общества и его социальных институтов. Н. И. Кареев сделал вывод, что общество – это сложный продукт взаимодействия биологических, физических факторов, а также факторов внешней среды. Общество он видел как сложную систему психических и практических взаимодействий личностей, «надорганическую среду», которая делится на культурные группы и социальные организации. Культурные группы суть предмет индивидуальной психологии, они включают в себя настроения, стремления людей, представления и причины отличий между группами не в природных свойствах людей, а в воздействии таких категорий, как воспитание, привычки, подражание. Социальные организации – результат коллективной психологии, совокупность политической (место личности в самой социальной организации), экономической (роль личности в экономической жизни общества) и юридической

(защищаемые государственной властью частные отношения к другим лицам) среды. Их изучением как раз и занимается социология, рассматривая социальные формы и институты.

Н. И. Кареев выступал за плюрализм мнений в области общественно-знания, где всегда должна быть свобода высказывания и отстаивания взглядов, дискуссии. Ему свойственно толерантное отношение к различным точкам зрения в социологии, он зачастую критиковал их, но стремился видеть рациональное зерно в каждом направлении. Таково было его отношение к наследию Маркса, которого он ценил как великого мыслителя и основоположника очень влиятельной линии экономического детерминизма в истории и социологии. Но абсолютизация марксизма под влиянием политических и идеологических факторов была ему чужда. Отсюда его разочарование и угнетенное состояние в конце жизни, когда он стал свидетелем идеологической диктатуры диалектического материализма в сфере обществоведения, изгнания за границу крупнейших философов и социологов, а также фактического упразднения социологии, развитию которой он отдал столько лет жизни.

После тщательного изучения различных социологических систем другой выдающийся ученый-энциклопедист и общественный деятель **М. М. Ковалевский (1851 – 1916)** пришел к заключению, что не существует единого, всеобъясняющего фактора социальных процессов. Категорически выступая против монистического уклона некоторых социологов, он рекомендовал историко-сравнительный метод для социологических исследований и акцентировал внимание на историко-генетическом направлении.

Максим Максимович Ковалевский родился 27 августа в 1851 г. в Харьковской губернии в семье отставного полковника. После окончания гимназии с золотой медалью он поступил на юридический факультет Харьковского университета, где его учителем стал выдающийся ученый профессор Д. И. Каченовский, лекции которого определили научные интересы Ковалевского. После окончания университета Ковалевский учился в университетах Берлина, Парижа и Лондона, общался с Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, Д. Морлеем, К. Марксом, Г. Мэнном.

В годы обучения за пределами России Ковалевский опубликовал свой первый труд по исследованию ранней истории институтов «Разложение аграрных общин кантона Ваадта (Vaud)». В этот же период он пишет: «Администрирование и судебные организации английских

графств периода до кончины Эдварда III», «Аграрные общины», «Социальная организация Англии в эпоху позднего Средневековья». С 1877 г. М. М. Ковалевский преподавал в Московском университете, читал курс государственного права иностранных держав и истории учреждений. В 1880 г. защитил докторскую диссертацию «Общественный строй Англии в конце средних веков» и стал профессором. На его лекции по сравнительному законодательству иностранных государств собирались не только юристы, но и историки, филологи, естественники и медики. Ни одна из аудиторий университета не вмещала всех его слушателей, и ему приходилось читать в актовом зале.

В надежде на непосредственное наблюдение пережитков раннего арийского закона, он провел три лета в высоких долинах Кавказа, результатом чего стали три книги «Современный обычай и древний закон», «Первобытный закон» и «Закон и обычай на Кавказе». В 1887 г. по приказу министра народного образования И. Д. Делянова ученый был уволен из университета и с этого времени жил преимущественно за границей, в основном в Лондоне, Париже, на своей вилле Батава в Болье-сюр-мер около Ниццы. Выступал с лекциями в Стокгольме, Оксфорде, Брюсселе, Чикаго по приглашениям от университетов и частных фондов. В 1895 г. он стал вице-президентом Международного социологического института.

Максим Максимович Ковалевский одним из первых понял, что развитие социологии невозможно без создания институтов ее интеграции, институтов обучения и пропаганды научного знания. Поэтому в деятельности Ковалевского большое место занимают вопросы организации российской социологии, создания институтов подготовки социологов, издания литературы и трансляции социологического знания, а также поиск путей вхождения российских социологов в международное социологическое сообщество. Так, в 1901 г. со своими единомышленниками Е. В. де Роберти и Ю. С. Гамбаровым он создает в Париже Русскую высшую школу общественных наук, фактически первый российский факультет социологии. Создание Школы во Франции связано с тем, что в условиях тогдашней России это было невозможно, так как обучение социологии в российских университетах было запрещено. Школа, по словам Ковалевского, ставила целью дать молодым людям современное обществоведческое образование.

Идея создания Школы была поддержана многими известными русскими учеными, почетным председателем был избран И. И. Мечников, который там же читал курс «Очерк воззрений на человеческую природу». Интересно, что в Школе читали лекции известные социологи, историки, правоведы, политики того времени, среди них были представители различных научных направлений и мировоззрений, что говорит в пользу глубокой научности и терпимости Ковалевского как директора Школы. Только поэтому в Школе могли читать лекции ученые разных мировоззренческих ориентаций: М. Туган-Барановский, Е. де Роберти, В. Чернов, Ю. Гамбаров, Н. Кареев, А. Чупров, С. Муромцев, Г. Плеханов, П. Струве, В. Ульянов (Ленин) и другие. Кроме того, лекции читали такие известные западные социологи, как Э. Дюркгейм, Г. Тард, Э. Вандервельде, Р. Вормс и другие. Число учащихся в Школе доходило до 300 – 400 вольнослушателей. Многие выпускники Школы стали известными учеными, общественными деятелями, среди них социолог К. Тахтарев, экономист-социолог С. Струмилин, Ф. Артем (Сергеев), Н. Суханов и другие. Школа выпустила ряд сборников учебных материалов, лекций, отражающих проблемы социологического знания, в том числе сборник под названием «Русская Высшая Школа в Париже. Лекции профессоров» (СПб., 1905) под редакцией Е. В. де Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского. Этот объемный труд является фактически первым международным социологическим сборником на русском языке и имел определенное значение в распространении социологических идей в российском обществе.

Опыт Русской высшей школы общественных наук был использован при создании в 1908 г. Народного университета А. Шанявского в Москве, который сыграл огромную роль в развитии и демократизации высшего образования. Значительные политические изменения, которые произошли в России в 1904 – 1906 гг., позволили М. М. Ковалевскому вернуться на родину, где он становится профессором Санкт-Петербургского университета и экономического отделения Политехнического института. Почти одновременно профессор В. М. Бехтерев основал в Санкт-Петербурге Психоневрологический институт, создав в нем первую в России кафедру социологии, и сделал предложение возглавить ее Ковалевскому, который с радостью согласился.

Последний период научной деятельности Ковалевского характеризовался интенсивным чтением лекций и внеакадемическими делами.

В 1906 г. Ковалевский был избран членом Первой Думы от своего родного города Харькова; выборы во Вторую Думу он проиграл, но почти сразу же был избран одним из шести представителей университетов России в Государственный Совет. Он посвятил много времени законодательной деятельности, одновременно являясь президентом множества научных и благотворительных организаций. Его интерес был прикован к социологии, что являлось логическим завершением его научного творчества, посвященного преимущественно исследованию корреляции между различными аспектами социальной жизни в их историческом развитии. В 1905 г. он опубликовал книгу под названием «Современные социологи», в которой сделал обзор современных ему социологических теорий. В 1910 г. публикуются два тома «Социологии», где Ковалевский дискутирует о масштабе и методах социологии и их отношении к специальным социальным наукам, а также монография «Генетическая социология». В 1913 г. он совместно с П. А. Сорокиным начал редактировать серию монографий «Новые идеи в социологии». 23 марта 1916 г. М. М. Ковалевский скончался, его похороны стали национальным событием.

Говоря о месте Максима Максимовича Ковалевского в институционализации социологии, надо вспомнить и подготовку им индивидуальных и коллективных работ, которые способствовали определению ее предмета, обретению этой наукой своего места среди других социогуманитарных наук и развитию методов. В своих ранних работах он принимал определение О. Конта, в соответствии с которым социология – наука о социальном порядке и социальном прогрессе. К концу жизни под влиянием американской социологии Ковалевский изменил позицию и определил социологию как «науку о социальной организации и социальных изменениях». Социология – это наука об обществе, которая служит для исследования всех сторон и взаимоотношений в обществе. Когда, например, Е. В. де Роберти пытался ограничить социологию социальной этикой, он не затрагивал целую область социологии, поскольку, кроме моральных соображений, которые важны для прогресса общества, существуют другие аспекты общественного прогресса, такие, как биологический и экономический, которые стоят отдельно от этического. Это замечание справедливо и относительно психологии: Ковалевский был не согласен с Г. Тардом в том, что область действия социологии полностью перекрывается психологией. Конечно,

многое в обществе можно объяснить с помощью того, что Тард называл «интерпсихологией», или теорией взаимодействия одного ума с другим, но неадекватность коллективной или общественной психологии в интерпретации общественного процесса в целом ведет к тому, что психология выступает как часть социологии. Применимо это замечание и к биологии, поскольку предполагается, что общественная жизнь животных должна быть использована социологией для интерпретации возникновения общественных институтов в человеческом обществе. Конкретные общественные науки, такие, как этнография, статистика, политическая экономия, политическая наука и другие снабжают социологию материалом для генетического учения, но, в свою очередь, сами должны базироваться на социологических законах, представляющих собой синтез процесса и прогресса человеческого общества.

М. М. Ковалевский провозгласил задачей социологии изучение коллективного менталитета социальных групп в тесной связи с их организацией и их эволюцией. Социология должна выполнять свою задачу посредством абстрагирования направлений от множества конкретных фактов и указывая на общую тенденцию: таким образом, она сможет вскрывать причины социальной стабильности и социальных изменений. Когда социология берет на себя такие задачи, возникают определенные трудности в установлении границ ее поля и поля других социальных наук. Ковалевский знал об этих сложностях и решил проблему следующим образом: социология как обобщающая наука не может заимствовать свои предпосылки из других социальных наук, она должна самостоятельно и тщательно их осмысливать, принимая во внимание разнообразие человеческих потребностей и чувств, преобладающих в религии, законе, экономике, политике, эстетике. Конкретные социальные науки, несмотря на то, что предоставляют социологии материал для последующего синтеза, должны в то же время базировать свои эмпирические выводы на общих законах сосуществования и развития, которые социология призвана устанавливать. По мнению Ковалевского, социология принадлежит не только к описательным социальным наукам, но также к наукам о социальной политике. Только социология, говорил он, способна раскрыть все причины, от которых зависит прогресс обществ и их взаимоотношения, только социология в силах донести, что порядок невозможен без прогресса и что прогресс состоит

из последовательных изменений в социальной и экономической структуре и тесно связан с аккумуляцией знания и с ростом населения, только социология может найти объективный критерий для определения ценности позитивного закона.

Несмотря на то что значимые работы М. М. Ковалевского написаны по истории экономических, политических и правовых институтов поздних ступеней развития, поиск происхождения общества никогда не покидал его ум, о чем свидетельствуют многочисленные эссе раннего периода, и эта же тема стала его главным увлечением в течение последних лет, когда он писал свои социологические работы. Данный предмет обсуждения он называл «социальной эмбриологией», или «генетической социологией» (название его второго тома «Социологии»). Ковалевский находил эту часть социологии особо интересной для русских ученых в силу чрезвычайно богатого этнографического материала, которым они владели и который, несмотря на тщательную работу целых поколений ученых, так и не был надлежащим образом обработан. Он разделял этот материал на этнографический – с особым вниманием к пережиткам в брачной жизни экзогамии, анимизма – и историко-легендарный, включающий в себя большое количество фольклора. Используя историко-сравнительный метод, он думал не только о всесторонней оценке предмета исследования, но и надеялся показать, как все аспекты общественной жизни психически связаны один с другим и как их взаимодействие сказывается на различных общественных институтах.

Для генетической социологии необходимо, по мнению М. М. Ковалевского, установление некоторого числа ступеней эволюции и законов, управляющих ими. Законы он понимал как «необходимые связи явлений», они должны были отражать многообразие социальной природы человека, зависящей от климата и расы. Законы эволюции могут быть открыты путем сравнения параллельно протекающих эволюций, но простое сопоставление явлений недостаточно и необходимо использовать именно историко-сравнительный метод. Постепенно Ковалевский детально разработал определенную методологию, суть которой заключается в следующем. Сравнительная этнология и сравнительная история институтов должны иметь дело только с фактами, которые бы коррелировали и с прошлым, и с настоящим, и с коллективным менталитетом народов: «Необоснованно представлять большое количество данных, которые, как кажется, подтверждают гипотезу; необходимо

показать, что явления, существование которых гипотетически декларируется, были тесно связаны с массой обстоятельств, имеющих место быть на определенной стадии социальной эволюции»²⁰. Факты, проанализированные таким образом, должны быть изучены с учетом их природы: должно быть установлено, действительно ли факты относятся к существующей социальной структуре, или они есть пережиток из прошлого или, возможно, зародыш будущего развития. Затем, чтобы сделать окончательное заключение, анализируются возможности общего происхождения или подражания.

Но систематизация похожести фактов предполагает знание стадий эволюции, и следовательно, возникает вопрос родственной примитивности социальных форм. Ковалевский утверждал, что невозможно установить критерий примитивности в этнографии, поскольку мы не сталкивались лицом к лицу с первобытными условиями существования человечества, и эта мысль привела его к гипотезе первобытного человека, которая формировалась на основе изучения этнографических источников и жизни высших животных. Анализ общественной и семейной жизни животных принимался за отправную точку человеческой семьи и человеческого стада. В этой части чрезвычайно дискуссионной оказалась тема брака и сексуальных табу, она достаточно широко рассматривалась Ковалевским: он считал, что наиболее ранние сексуальные табу ограничивали мать. Племя же выросло из семьи, это скорее человеческое стадо, которое вырастает из интегрирующего влияния табу, экзогамии и ограничения кровной мести в пределах определенной группы. Экзогамия возникла как мера, призванная остановить кровную вражду и борьбу за обладание женщинами и противодействующая исчезновению племени. Также М. М. Ковалевский выдвигал лучшим критерием примитивности принцип выживания, т. е. об удаленности прошлого можно судить по содержанию пережитков – метод реликтов.

Постепенно, с переходом к аграрному хозяйству, соответствующему ему образу жизни и росту благосостояния, эти ограничения поддерживались, по мнению Ковалевского, страхом перед порчей, регулирующими функциями группы, характерными для простых форм правления, которые, в свою очередь, ускоряли упадок племенной формы

²⁰ Ковалевский М. М. Социология. В 2 т. СПб. : Тип. С. М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. С. 104 – 105.

организации. Сельское хозяйство и частная собственность сделали возможным рабство, институт рабства в свою очередь стимулировал походы и завоевания, которые приводили слабеющие племена к объединению или же к поглощению более слабых. Войны и завоевания были благоприятны для возникновения лидерства, успешный лидер постепенно возвышался внутри племени, упрочивая свое благосостояние и власть, и становился способен диктовать свою волю – подобная ситуация готовила почву для развития феодализма. Вместе с улучшением благосостояния и системы управления развивались политические аспекты, а их развитие вело к возникновению религии. Согласно Ковалевскому, религия берет свои корни в анимистической концепции природы, в боязни отклониться от обычаев предков и в сновидениях. Фетишизм, тотемизм, животные и растительные культы и, наконец, деятельность космических сил природы были выражены в ранних формах религии. Но Ковалевский говорил и об осторожности при работе с этнологическим и историческим материалом, поскольку наибольшая опасность состоит, по его мнению, в необоснованном обобщении. Другой опасностью он считал интерпретацию, основанную на имеющемся опыте.

Используя описанные методы, М. М. Ковалевский сформулировал следующие предположения относительно стадий социальной эволюции: наиболее примитивной формой социальной организации является орда, в которой зародилась матриархальная семья. Орда трансформировалась посредством эндогамии и табу в род с единственной духовной связью – почитанием общих предков. Дальнейшее развитие, связанное с переходом к оседлому образу жизни, привело к тому, что род разделился на «большие семьи» по кровному родству. А с другой стороны, род был замещен более сложной структурой – «феодальным порядком», поскольку владение землей и государственная служба унифицировали общество так же сильно, как и родство. Последняя стадия эволюции заключается в отходе от феодального к демократическому порядку, когда прогресс повлек переход от неравенства к равенству, от государственного вмешательства к частной инициативе.

Эволюция, по мнению М. М. Ковалевского, тем не менее не обусловлена каким-либо единственным фактором: критикуя некоторых социологов за односторонность, он выдвинул плюралистическую концепцию социальной каузальности. В ее рамках Ковалевский связывал рост населения и формы экономической жизни, изучал корреляции

между политической структурой и политическими идеалами, между экономической структурой и политической доктриной. Также он обсуждал принцип взаимозависимости по определенным факторам: например, отрицал, что политические и правовые институты могли быть более тесно связаны с экономическими феноменами, нежели с накоплением знаний. Весьма впечатляющим был анализ М. М. Ковалевским проблемы видимого доминирования различных факторов в различных эпохах. Все человеческие потребности находятся в постоянном взаимодействии, которое иногда становится частичным антагонизмом, и временно та или другая потребность может стать доминирующей. Социальный процесс никогда не останавливается, хотя временами он то более, то менее очевиден. Самый постоянный импульс к экономическому развитию, особенно на ранних стадиях, по мнению Ковалевского, дают рост населения и его плотность, то есть демографический фактор.

Что касается факторов социальных изменений, то М. М. Ковалевский никогда не считал их прямо вынуждающими действовать людей специфическим образом. Он разработал учение о механизме социальных изменений, в котором подчеркивалась роль личности. Так, например, «когда обнаруживается недостаток в еде, разум ищет решение проблемы и находит его либо в эмиграции, либо в приручении животных, либо в первых попытках выращивать питательные культуры»²¹. Похожим образом он объясняет рост политического лидерства или, другими словами, возникновение политического фактора: «Необходимость регулирования новых ситуаций требует использования дополнительной психической энергии. В таких обстоятельствах действия личностей, которые обладают инициативным и творческим духом, становятся необходимыми, тогда как массы не способны сделать что-либо, кроме как подчиниться действиям инициатора»²². Процесс социальных изменений, по мнению М. М. Ковалевского, может быть описан двумя соотносимыми способами: как последовательность новаций, имитаций, согласований и как разработка правил поведения. То есть лич-

²¹ Ковалевский М. М. Социология. В 2 т. Т. 2. Генетическая социология, или Учение об исходных моментах развития семьи, рода, собственности, государственной власти и психической деятельности. С. 200.

²² Там же. С. 215.

ностные новации и подражание отражаются в изменениях норм поведения и, как следствие, закона: например, частное присвоение земли является личностной новацией, а подражание и согласование трансформируются в институт частного благосостояния. Некоторое время новым правилам не хватает санкций, и они действуют на уровне морали, могут вступать в конфликты с существующим правовым порядком, но это не мешает им постепенно стать признанными в законном порядке и позднее быть включенными в систему правовых установлений.

Таким образом, социологическая система Максима Максимовича Ковалевского весьма содержательна и оригинальна, она характеризуется прежде всего историчностью анализа и широтой сравнительных обобщений. Его историко-сравнительный метод социологии был новым и оригинальным подходом, с помощью которого Ковалевский провел интереснейшие типологические обобщения в различных научных направлениях. Как отмечают исследователи, взгляды М. М. Ковалевского на проблему факторов общественного развития подвергались изменениям, его плюрализм утвердился позднее, тогда как в ранних работах проявлялся незначительно. Однако эволюцию Ковалевского, как пишет П. А. Сорокин, надо видеть не как переход от монизма к плюрализму, а как шаг от скрытого плюрализма к плюрализму декларативному и явному, от субстанционального понятия факторов к методологическому конструированию последних, где фактор ставится в простую функциональную связь нескольких рядов и таким образом становится чисто методологической независимой переменной.

Концепция генетической социологии Ковалевского связана с идеей прогресса и социологического историзма в рамках позитивистских традиций. Концепция генетической социологии непосредственно вытекает из определения им предмета социологии, которую он считал наукой, имеющей своей целью установление законов и тенденций общественного развития. Генетическая социология, по мнению Ковалевского, должна заниматься изучением законов эволюции на основе прочного фундамента конкретных фактов, в частности добытых этнографией. Она включает в себя также историко-сравнительный метод и ставит своей задачей исследование происхождения и развития различных институтов и их символического окружения у разных народов. Общественное развитие, развитие институтов, ведет к постепенному

углублению сферы солидарности во взаимодействии между народами, социальными группами. В этом вопросе Ковалевский расходился с марксистской социально-исторической концепцией, утверждавшей неизбежность обострения социальных противоречий и необходимость их насильственной ликвидации. Интересно, что это было одной из основных причин отхода Ковалевского от Маркса, с которым он был лично знаком и поддерживал переписку.

Важен также вклад М. М. Ковалевского в процесс становления профессиональной этики ученых-социологов, в своих трудах он доказывал особое значение соблюдения профессиональных принципов в ходе исследовательской практики. Своей собственной деятельностью он демонстрировал высокий образец этой этики в сфере социальной науки, исходя из необходимости практической ориентации социологического знания. Но для того чтобы эта ориентация могла осуществиться, чтобы социология приносила пользу обществу, он считал необходимым в процессе познания отделять профессиональную этику социолога от гражданской этики, а познавательные ценности – от любых других. Стремление обосновать и отстоять самостоятельность социологии сочеталось у него с решительным неприятием дилетантизма в этой науке, компрометировавшего ее в глазах ученых. Он обосновывал принципы непредвзятого, свободного от всяких догм исследования, добросовестного изложения фактов, необходимости преобладания наблюдения над воображением и честного отношения к исследованиям. Наиболее знаменитому из учеников М. М. Ковалевского – Питириму Александровичу Сорокину – было суждено стать выдающимся американским социологом.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Распространение идей О. Конта в России.
2. Специфика развития социологии в России.
3. Периодизация развития социологии в России.
4. История развития социологии в России глазами Н. И. Кареева.
5. Генетическая социология М. М. Ковалевского.
6. Вклад Е. В. де Роберти в становлении социологии в России.

Глава 3. СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Российские социологи не отставали от своих западных коллег, а во многом даже опережали их, поэтому субъективная школа может рассматриваться как предшественник психологического направления в мировой социологии. Данное направление, которое еще называли российской социологической школой, возникло в конце 60-х гг. XIX в. и существовало до Октябрьской революции, пройдя за это время значительную эволюцию. Главнейшими вехами его развития были 70-е гг., 80 – 90-е гг. и период с конца 90-х гг. до 1917 г. Представители субъективной школы П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, чуть позднее С. Н. Южаков и Н. И. Кареев, обладали значительной оригинальностью по сравнению с классической позитивистской парадигмой научного мышления. Этико-социологическая школа – термин, который предложил Южаков для обозначения своих взглядов и взглядов идейно близких ему мыслителей Михайловского, Лаврова, Кареева, употреблялся лишь самим Южаковым и Кареевым, а в литературе не прижился. Гораздо более распространенным и привычным является название «субъективная школа», к которой принято причислять практически всех перечисленных выше мыслителей, включая Южакова, несмотря на то, что сторонниками применения субъективного метода в социологии были, в сущности, только Лавров и Михайловский.

Основные проблемы субъективной социологии в период ее становления были связаны с философским обоснованием метода исследования общества и с проблемой социального прогресса, а именно выяснение места и роли человека как субъекта социального развития и познания. Главная отличительная черта субъективной социологии 80 – 90-х гг. заключалась в том, что социологи все более разрывали связь с политической программой, их концепции становились своеобразным теоретическим оправданием реформистской программы «улучшения» положения крестьян. В 80 – 90-х гг. в субъективной социологии появилась новая тенденция, которая зародилась под влиянием интенсивной разработки экономической теории и соответственно, была связана со значительным вниманием к экономическому фактору. В этот период также отмечалось стремление анализировать общество в категориях психологии. Примерно с середины 90-х гг. начинается третий период

в развитии субъективной школы: революционно настроенная народническая интеллигенция пытается сохранить народнические заветы, добавляя к ним отдельные положения марксизма.

Постановке и решению социологических проблем посвятил множество своих трудов **Петр Лаврович Лавров (1823 – 1900)**, выработав в основных чертах антропологический принцип как исходный взгляд на природу, личность и общество. Лавров был выходцем из псковского дворянства, закончил Петербургское артиллерийское училище, далее преподавал в военных учебных заведениях математику и физику, стал профессором Артиллерийской академии. Одновременно усиленно печатался по вопросам философии и истории науки, изучал гуманитарные дисциплины. Соответственно, когда в конце 60-х гг. Лавров приступил к социологии, он уже имел репутацию оригинального мыслителя и особой известностью пользовались его «Очерки вопросов практической философии» (1860), посвященные А. Герцену и П. Прудону. Интенсивную научную и преподавательскую работу П. Лавров сочетал с участием в революционной организации «Земля и воля», по делу которой он был в 1867 г. арестован и сослан в Вологодскую губернию. Первые разработки Лавров сделал в серии журнальных публикаций «Исторические письма», отдельное издание которых вышло в 1870 г. В том же году он при содействии друзей бежал из ссылки и перебрался в Париж, где и прожил большую часть жизни, примкнув к русской народнической эмиграции. В русские издания Лавров посылал многочисленные работы, выбирая псевдонимы – Миртов, Стоик, Арнольди, Доленга, Кедров и др.

П. Л. Лавров пытался понять прежде всего специфику именно человеческого общества, проследить различные состояния социо-культурной эволюции начиная с эмбриональных и первобытных форм и заканчивая цивилизованными. Его интересовал процесс «подготовки» мысли, т.е. космические, геологические, физико-химические, биологические, психологические линии эволюции и даже сопутствующие мысли социальные процессы, так как, согласно Лаврову, личность неотделима от общества, как и мысль – от социального. Таким образом, вся человеческая история предстает единой преемственной историей человеческой мысли. В свою очередь, цивилизация включает культуру в виде обычаев, преданий, традиций и мысль в виде критического

мышления, которое является главной действующей силой человеческой истории. Лавров создал своеобразную типологию организационной группы: «деятели цивилизации», «участники», «присутствующие».

Лавров использовал различные противоречивые направления общественной науки XIX в. и интерпретировал их с позиций субъективного метода. Сущность данного метода сводится к сочетанию антропологического и идеалистического понимания общества. Человеческая личность двуедина: субъективно условием ее существования является наслаждение и уклонение от страданий, а объективно человек является деятельным существом, активность которого побуждается внутренними запросами. Деятельность личности проявляется в познании средств наслаждения и действиями для их осуществления, затем начинается «работа» знания и творчества, создается идеал человеческого достоинства. В качестве критерия различения истинного и ложного идеалов П. Л. Лавров выделил абстрактную, вечную, внеклассовую справедливость и истину и назвал это «высшим благом человечества». История, складывающаяся из борьбы благодетельного и вредного начал, хотя и знает регрессивные эпохи, представляет собой «приближение исторических фактов к реальному или идеальному лучшему». Так, история – это развитие нашего идеала в минувшей жизни человечества, а идеал личности играет роль закона группировки событий. В конце истории стоит наш идеал, а в прошлом все оценивается, принимается во внимание или отбрасывается с точки зрения убеждений исследователя, разделяющего данный идеал. Лавров заявил, что иной история быть не может, она субъективна потому, что ее двигает человеческий идеал и потому, что изучается с позиций определенного идеала. Таким образом, Лавров отрицает объективность общественных законов и возможность их объективного исследования.

В «Исторических письмах» П. Л. Лаврова, печатавшихся с 1868 по 1869 гг., неоднократно говорится об исторических силах, которые возникают независимо от личной энергии индивида и личных убеждений. Тем не менее Лавров определенно указывает на то, что общество есть только абстракт, а единственной реальностью оказывается личность. Общество – «это абстракт, который как абстракт, против меня, существа реального, не имеет ровно никакого права; а в своем реальном содержании распадается на личности, имеющие не более права, как и я... все реальное содержание истории заключается опять-таки в

деятельности личностей»²³. Говоря о государстве, Лавров кладет в его основу фиктивный договор, так как ему вынуждены следовать люди, в нем не участвовавшие. Идеал прогресса заключается тем самым в ослаблении государственного принуждения. Недостаток объективного метода в том, что он не дает критерия для оценки разного рода социальных явлений.

Только с помощью метода субъективной оценки, считает Лавров, возможно научное изучение процесса общественного развития, постижение смысла истории и выявление закона прогресса. В то же время свойство оценивать что-либо с точки зрения важности, вредности, желательности, благодетельности, отвратительности присуще исключительно человеку, и только для него такая оценка может иметь значение. Природа чужда оценок и не нуждается в установлении общих законов: «Для человека важны общие законы, а не индивидуальные факты, потому что он понимает предметы, лишь обобщая их; но наука с ее общими законами присуща лишь человеку, а вне человека существуют только одновременные и последовательные сцепления фактов, столь мелких и дробных, что человек едва ли может их уловить во всей их мелкости и дробности»²⁴. В стремлении к обобщению и к оцениванию заключается особенность человека как познающего субъекта, причем критерии оценки и представления об идеале у разных исследователей могут быть различны в зависимости от уровня их умственного и нравственного развития, что также накладывает свой отпечаток на методологию социальных наук и делает невозможным применение общенаучных объективных методов в рамках науки о прогрессе.

Социологию, как и все точные и естественные науки, Лавров относит к разряду наук феноменологических, т. е. изучающих повторяющиеся явления. Общество состоит не только из реальных единиц, это также формы взаимодействия для удовлетворения потребностей большего или меньшего числа личностей. Соответственно, по мнению Лаврова, объективные явления и процессы переходят в социологические только в субъективной форме потребностей. Условия среды, как и потребности могут быть примерно одинаковыми, поэтому социологические явления повторились бы, и исследовать их необходимо как повторяющиеся и только

²³ Лавров П. Л. Исторические письма // Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 113.

²⁴ Там же. С. 46.

при помощи субъективного метода: «Объективны лишь реальные личности в их деятельности, допускающей статистическое определение и историческую отметку, да еще среда, в которой происходит социологическое творчество. Но действующие силы субъективны, и продукты опять субъективны»²⁵.

П. Л. Лавров много лет возвращался снова и снова к выяснению недоразумений, вызывавшихся воззрениями русской социологической школы. Одну из последних и окончательных формулировок своего взгляда на вещи он дает в книге «Задачи понимания истории»: в науке есть безусловные требования объективизма, которые исключают как субъективизм некритического личного аффекта, так и субъективизм произвольного логического мнения, так, наконец, и субъективизм простого неведения и недостаточного знания. Но за всем тем в явлениях общественности остается не разложимый средствами объективного анализа остаток, который для своего осмысливания нуждается уже не просто в более критической установке фактов, а в упорной работе историка над своим общим личным развитием, выработке более широкого личного мирозерцания, личном усвоении высоких жизненных целей²⁶. В социальном познании определяющим является, во-первых, моральная позиция исследователя и, во-вторых, принцип должного, который определяет отношение социолога к историческим явлениям и событиям. Лавров возражал против неоправданного субъективизма, он считал, что возможен определенный критерий научной истины, который заключен в научно выработанном нравственном идеале, принятом все большим числом людей.

Другой аспект под названием «личность и общественные формы», которому П. Л. Лавров уделял внимание, – то, каким образом личность способна переделать социальный и политический строй. Лавров указал на два возможных варианта деятельности личности: в первом случае экономическое и политическое развитие имеет строгую направленность, и историческая необходимость осуществляется независимо от личностей; а во втором – экономическое и политическое положение не

²⁵ Лавров П. Л. О методе в социологии : письмо в редакцию «Знания» // Южаков С. Н. Социологические этюды / вступ. ст. Н. К. Орловой, сост. Н. К. Орловой и Б. Л. Рубанова. М. : Астрель, 2008. С. 590.

²⁶ См.: Арнольди С. С. [Псевдоним П. Лаврова] Задачи понимания истории. 2-е изд. СПб., 1903. 356 с.

имеет определенного характера развития, и возникает возможность выбора пути движения общества. В последнем и будет крайне велика, по мнению Лаврова, роль интеллигентного меньшинства, понявшего, куда должно следовать общество. Указывал мыслитель и на неравенство сил, где одинокая личность, понявшая весь вред и античеловечность порядков, выступает против государства с его армией, полицией и верой масс в царя. Значит, личность должна сделаться силой, двигаясь по ступеням и превращаясь из «ничтожной единицы» в «коллективную силу». Под воздействием социальной несправедливости критически мыслящие личности, осознавая зло, переходят к открытым действиям против него, появляются героические одиночки, воодушевляя других. Но только организация партии поможет одиноким личностям превратиться в силу, способную сокрушить старый строй.

С 80-х гг. П. Л. Лавров стал рассматривать личность и как члена «коллективного организма». Так, в новом издании «Исторических писем» Лавров трактовал социальный прогресс не только как деятельность критически мыслящей личности, но и как «усиление и расширение общественной солидарности»²⁷. Солидарность, по Лаврову, проявляется во всех сферах общественной жизни – экономической, политической, умственной и нравственной, достичь ее наиболее полного и устойчивого воплощения есть «единственная возможная цель прогресса»²⁸. Зародилась солидарность еще в мире животных, когда в результате борьбы за существование образовались соединения, которые стремились к более или менее сознательной ассоциации на основе схожих инстинктов, привычек, аффектов и интересов. По мысли Лаврова, уже в животном мире сложились психические потребности солидарности, которые постепенно перешли от сотрудничества и бессознательной кооперации к сознательной солидарности человеческого общества. В обществе же индивиды связаны «психологической солидарностью» и подчинены «особым социологическим законам», отделяющим общество от природы. Наиболее ранняя форма сознательной солидарности сопровождалась созданием материнской семьи, а затем союз родичей эволюционирует к отцовскому роду и происходит сплочение родового и племенного объединения. Лавров связывал распадение родового строя с образованием «тесной семьи», т. е. моногамии, нации и государства.

²⁷ Арнольди С. С. [Псевдоним П. Лаврова] Указ. соч. С. 27 – 29.

²⁸ Лавров П. Л. Исторические письма // Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. С. 243.

Впоследствии, как считал Лавров, солидарность проявилась в попытках выработать универсальную человеческую мудрость, универсальное юридическое государство и всеобщую религию. Но все эти универсальные начала не были крепко связаны с основными потребностями человека, и «им не удалось установить солидарность человечества». Господство буржуазии с его ожесточенной борьбой классов также не могло привести к созданию устойчивых человеческих солидарностей. Только социализм в состоянии установить истинную солидарность всех трудящихся на почве общего интереса и коллективного труда рабочих людей.

Поменялись взгляды Лаврова в связи с опытом Парижской Коммуны на проблему государства и его роли в жизни общества: позиция договорной теории сменилась ролью государства в социальной революции. Современное государство, по мнению Лаврова, является сильным и опасным врагом социализма: его недостаточно просто разрушить, а необходимо после победы революции создать новое, которое при взаимном контроле наиболее влиятельных членов общества не сможет привести к злоупотреблениям. И как только солидарность будет охватывать значительные слои общества, значение государственного элемента может быть сведено к минимуму. Таким образом, у Лаврова государство – не продукт классовой борьбы, а результат естественной потребности человека в безопасности.

Слить воедино «правду-истину», добытую беспристрастным объективным путем, и «правду-справедливость», субъективную, соответствующую нравственным понятиям и представлениям человека, стремился в своих работах другой представитель русской социологии **Николай Константинович Михайловский (1842 – 1904)**. По вопросу об истине Н. К. Михайловский высказался в «Письмах о правде и неправде», где все свои рассуждения и доказательства направляет против усилий и попыток разорвать правду на две половины. По его мнению, везде, где есть место обеим половинам единой правды, – во всех делах, затрагивающих человека как общественное животное, – одной истины человеку мало, необходима еще и справедливость. Потомственный дворянин Михайловский родился в Мещовске Калужской губернии, учился в Институте корпуса горных инженеров в Петербурге, но был исключен из-за столкновений с начальством корпуса. С 1869 г. Михайловский становится постоянным и деятельнейшим сотрудником некрасовских

«Отечественных записок», а затем соредактором М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева. В «Отечественных записках» с 1869 по 1884 гг. помещены важнейшие социологические и критические статьи Михайловского: «Что такое прогресс», «Теория Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность», «Герои и толпа». Кроме того, он ежемесячно вел отдел «Литературных и журнальных заметок», иногда под заглавиями «Записки Профана», «Письма о правде и неправде», «Письма к ученым людям», «Письма к неучам».

В пользу методологической специфики социальных наук аргументация Н. К. Михайловского сводилась к тому, что в оценке общественных явлений категории желательного и нежелательного, полезного и вредного, должного и безнравственного так же необходимы и разумны, как и категории истинного и ложного. Более того, различаются не только сами явления природные и социальные, но и отношение исследователей к ним как к объектам изучения: исследователь как таковой имеет свои цели и представления о том, что желательно, приятно, полезно. В силу этого обстоятельства он может оценивать общественные явления не иначе, как только субъективно, т. е. с позиции собственных предпочтений, понятий о должном, симпатий и антипатий. Этот оценочный – или нравственный, как называет его Михайловский – элемент, составляющий особую разновидность предвзятого мнения и проявляющийся в сочувствии или осуждении тех или иных социальных явлений, поступков и действий людей, исторических событий, неизбежно присутствует в любом социологическом исследовании и влияет на его результаты.

Н. К. Михайловский подверг критике формулу прогресса Герберта Спенсера, находя, что она приносит индивида в жертву социальной интеграции и дифференциации, и противопоставил ей свою формулу, согласно которой прогресс сводится к всестороннему развитию личности: разделение труда должно быть возможно большим между органами одного индивида и возможно меньшим между индивидами. Михайловский говорит о том, что общество есть только идеальное целое, в жертву которому не может приноситься личность, что можно без напряжения мысли думать о человеке вне общества. Общество не живет, не умирает, не страдает, не наслаждается, а следовательно, за центр исследования должна быть взята мыслящая, страдающая и

наслаждающаяся личность. Так идеал прогресса заключается в переходе от режима разделения труда, уничтожающего разносторонность личности, к режиму простого сотрудничества.

Исходной точкой в социологической системе Михайловского служит безусловное отрицание возможности исключительно объективного метода в социологии. Субъективный метод применяется там, где речь идет о мыслях, чувствах, но характер научного метода он получает тогда, когда применяется сознательно и систематически. Для этого, по мнению Михайловского, исследователь должен прямо заявить: этим людям я симпатизирую и их чувства способен представить в форме своих собственных – «вот что для меня желательно, и вот что нежелательно, кроме истины». Но так создается большое количество разногласий и субъективных заключений, что, по Михайловскому, является для социологии неизбежным, и борьба здесь невозможна. Наука должна, признав желательным устранение субъективных разногласий и опираясь на данные объективной науки, определить условия, при которых это может произойти. Задача социолога, таким образом, – найти условия осуществления желательного или устранить нежелательное, и, соответственно, задачи социологии существенно отличаются от задач наук естественных.

Черты исторической ограниченности несли на себе и учение Николая Константиновича Михайловского о «героях и толпе». «Герою» он отводит место сделать первый шаг, который от него ждет «толпа»: это должен быть человек, увлекающий своим примером массу на хорошее или плохое, разумное или бессмысленное. «Великие личности», в понимании Михайловского, должны рассматриваться в связи с ценностями, которые они привнесли «в мировую сокровищницу человечества». «Толпу» Михайловский анализирует как особую общность, основанную на сходстве психической реакции и поведения: толпа частично поглощает индивидуальные черты и особенности человека, и происходит тяга к подражанию. При господстве разделения труда личность сосредотачивает свое внимание на ограниченном круге явлений и их повторяемости, а поскольку народ является суммой таких личностей, то он будет продолжать оставаться «толпой», пока каждый элемент не превратится в развитую индивидуальность. Для Михайловского прогресс общества заключался в развитии всех сил и способностей человека в «борьбе за индивидуальность».

Михайловский обосновывал правомерность и неизбежность «борьбы за индивидуальность», опираясь на естественнонаучный и биологический материал, и пытался проследить эту борьбу, исходя из положения человека на лестнице общественного развития. По мнению Михайловского, разделение труда, если ему не противостоять, может привести человечество к двум социально-биологическим видам: один из них вырождался бы физически, а второй – умственно. Но имеется особенность органического мира, благодаря которой на пути деградации стоит непреодолимое стремление к индивидуальности. Михайловский выделил шесть ступеней индивидуальности: 1) простейшие органические элементы, 2) простые и сложные органы, 3) сосуществующие части в одном организме, 4) «метамеры», звенья в живом организме, 5) существующие самостоятельно индивиды, 6) сообщества. Совершенствование каждой новой индивидуальности происходит за счет подчинения ей более низших – естественный закон развития в природе и обществе. Так общество стремится подчинить себе личность, и оно тем совершеннее, чем более поглощены им составляющие части. Михайловский, в свою очередь, делает вывод, что желания личности должны быть на первом месте и необходимо подчинить интересы высшей индивидуальности, т. е. общества, интересам личности.

По вопросу о субъективном методе в социологии существовал печатный обмен мнениями между Лавровым и Михайловским, с одной стороны, и С. Н. Южаковым – с другой. В этой полемике главный спор шел о том, можно ли назвать субъективизм особым методом и необходимо ли пользоваться двумя различными методами для естественных и общественных наук. **Сергей Николаевич Южаков (1849 – 1910)** родился в Вознесенске Херсонской губернии в семье генерала, учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. С 1872 г. в журнале «Знание» начали печататься первые очерки Южакова под названием «Социологические этюды»; на создание корпуса текстов, вошедших впоследствии в одноименный двухтомник, он потратил более 20 лет. Данная теоретико-методологическая работа С. Н. Южакова представляет собой целостное произведение, в первом томе которого рассмотрены вопросы определения специфики общества как объекта научного изучения, а второй том посвящен созданию модели

социальной реальности для анализа роли экономических институтов на жизнь общества в различные исторические эпохи.

В своей социологической концепции С. Н. Южаков обращает внимание на наличие общей связи «мира явлений социальных с миром явлений органических и физических»²⁹. Следовательно, социальные явления необходимо подчиняются действию универсальных законов мироздания, коими являются законы сочетания вещества и согласования энергии, и полное изолирование общества как предмета изучения не может считаться научным. Любое явление, в том числе социальное, может быть описано и объяснено в терминах циркуляции вещества и энергии: увеличение массы вещества за счет утраты части энергии соединяющимися единицами более низкого порядка Южаков называет интеграцией, соответственно дезинтеграция – распадение и разложение вещества, сопровождающееся приобретением энергии частями распадающегося целого. Данные процессы являются нормой для неорганических тел и патологией для тел живых, включая общество, поскольку основной закон жизни, по мнению Южакова, заключается в параллельном накоплении вещества и энергии при постоянном обмене вещества и энергии со средой.

Однако Южаков проводит различие между обществом и организмом при помощи таких понятий, как степень интеграции и дифференциации, а также индивидуальность и неделимое. Организм неделим и представляет собой агрегат с полной интеграцией, общество характеризуется неполной интеграцией, и оно есть разновидность «общезития», представляющего собой сочетание высоко развитых индивидуальностей. Активность общества обеспечивается активностью всех индивидуальных личностей, и подавление их самостоятельной активности приводит, по мнению Южакова, к пагубным для общества последствиям. Южаков делает вывод, что отождествлять общество с организмом недопустимо. Будучи совокупностью высоко развитых индивидуальностей, общество относится к числу активно приспособляющихся коллективных живых тел. Деятельность личностей приводит

²⁹ Южаков С. Н. Задачи социологии // Социологические этюды / вступ. ст. Н. К. Орловой, сост. Н. К. Орловой и Б. Л. Рубанова. С. 51.

согласно точки зрения Южакова к преобразованию естественной среды обитания в среду общественную – культуру, которая «представляет самый могучий цемент, соединяющий отдельных индивидов в неразрывное общественное тело»³⁰.

Суть взаимодействия социальных факторов заключается в том, что общественные условия образуют личности, а деятельность личностей производит новый ряд общественных условий. Личность есть продукт всей комбинации социальных условий, следовательно, все производимое ею включает не только категорию предшествующую, а все сразу. Южаков приводит пример, когда явления экономические производятся и политическими, и умственными, и нравственными, и органическими явлениями. Научная истина состоит «в раскрытии комбинации элементов и единиц, в открытии законов, которые управляют этой комбинацией, и того значения, которое для этой комбинации имеет деятельная воля, самочувствие и самосознание комбинируемых единиц»³¹. Социальная эволюция, таким образом, включает три группы факторов: природная среда обитания, органические факторы и социальные. По мнению С. Н. Южакова, социальный прогресс обеспечивается за счет активности, соответствующей законам общественного функционирования, а не за счет той, что продиктованна нравственными идеалами меньшинства. Задача исследователя – установить эти законы, а вот следовать или не следовать законам – вопрос выбора каждого человека в зависимости от степени развитости нравственного начала.

Социальный прогресс заключается в постепенном превращении общества в «солидарное самодеятельно согласованное общежитие», в котором отсутствуют какие бы то ни было противоречия. Южаков придерживался той концепции, что направленность эволюционного процесса зависит от того типа социальных отношений, которые практикуются субъектами общественной деятельности, т. е. личностями. Южаков утверждает, что в течение человеческой истории ведется постоянная

³⁰ Южаков С. Н. Нравственное начало в общественной жизни // Социологические этюды / вступ. ст. Н. К. Орловой, сост. Н. К. Орловой и Б. Л. Рубанова. С. 376.

³¹ Южаков С. Н. Общественное развитие и прогресс // Там же. С. 69.

борьба между двумя этими антагонистическими принципами и что далеко не всегда исход борьбы заканчивается в пользу высшего начала, связующего общества. Были эпохи, когда в обществе развивались противоречивые тенденции, приводившие его к распаду. Следовательно, необходимо указать те условия, которые благоприятствуют победе элементов, связующих людей в крепкое общество, над элементами, разлагающими союз. Борьба за существование, царившая в период органического прогресса, развиваясь, наталкивается на сопротивление нравственного чувства, ограничивающего и вытесняющего борьбу за существование развитием чувства нравственности, что способствует прочности общественного союза.

Нравственная доктрина есть учение об отношении личности к обществу и как таковая входит в состав социологии. С. Н. Южаков признавал субъективизм как точку зрения или отношения к предмету: «Надо говорить не о субъективном методе, а о субъективной точке зрения»³². Также он дает свое определение субъективного метода: «Особенность субъективного метода заключается в оценке относительной важности общественных явлений на основании взглядов исследователя на нормальные отношения членов общества друг к другу и к целому и в построении научной теории при помощи того же критерия. Таково будет исправленное определение субъективного метода»³³. Южаков, не причисляя себя к сторонникам субъективного метода, тем не менее, солидарен был с ними, когда вопрос касался нравственного элемента в социологическом исследовании.

С правильностью взглядов, высказанных Южаковым относительно субъективного метода, соглашался впоследствии Н. И. Кареев, который допускал возможность «законного субъективизма» в социальных науках. Кареев указывал, что «обе точки зрения, объективно-научная и субъективно-этическая, должны дополнять одна другую, притом

³² Южаков С. Н. Об основных течениях мысли в русской литературе // Социологические этюды / вступ. ст. Н. К. Орловой, сост. Н. К. Орловой и Б. Л. Рубанова. С. 284.

³³ Южаков С. Н. Субъективный метод в социологии // Там же. С. 237.

не только в изучении общественной действительности, но и в творчестве общественного идеала»³⁴. Исследователю общественной жизни необходимо рекомендовать объективизм, но при изучении общественных наук субъективизм неизбежен, поскольку исследователь подвержен моральным и социальным убеждениям. Отдельные события, как и общество в целом, неизбежно оцениваются с точки зрения определенного идеала, субъективизм является необходимым методологическим принципом исследования общества. Ученый должен преодолеть, по мнению Кареева, узкие национальные, религиозные или классовые интересы и подняться до интересов всего человечества. Рассуждая и допуская свойственную общественным явлениям закономерность, Кареев в то же время подчеркивал, что личность для него является единственной реальностью.

Таким образом, можно сделать вывод об основных моментах субъективной школы в социологии. Во-первых, это защита этических и нравственных норм, во-вторых, под субъективной социологией подразумевалась эпистемологическая и методологическая позиция, которая выдвинула вопрос о возможности объективного познания в общественных науках. Субъективизм означал, что исследование никогда не бывает и не может быть по-настоящему объективным, потому что оно включает общественные взгляды познающего ученого, его эмоции, а также осознанно выбранные идеалы. В-третьих, субъективная социология утверждала, что человеческая воля и сознание могут противостоять стихийным тенденциям общественного развития и влиять на ход истории.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Связь субъективной школы с народническим движением.
2. Понятие нравственного идеала.
3. Роль личности в концепциях представителей Русской социологической школы.

³⁴ Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. С. 337.

Глава 4. ОРГАНИЦИЗМ В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Взаимодействие социогуманитарных и биологических наук имеет давнюю историю, которая отмечена различной активностью – от обострения взаимного интереса до полного отрицания необходимости такого взаимодействия. Первоначально органицизм представлял собой особого рода мировоззрение, для которого было характерно восприятие природы, человека и общества как организма. Такое представление о мире было присуще еще античной натурфилософии, позднее на смену органицистскому взгляду пришел механицизм как доминирующее мировоззрение Нового времени: он основывался на рациональных обобщениях, опиравшихся на эмпирический опыт. Согласно механистической точке зрения люди изначально жили порознь, затем, объединившись, создали государство вследствие необходимости и по договоренности друг с другом. Государство представлялось в виде обособленных, свободных и противостоящих друг другу индивидов, не чувствующих внутренней связи с природой. Против такого понимания решительно выступили в XIX веке как ученые, так и философы. Это было возвращение науки и философии к естественному, органицистскому взгляду на мир, но на новом историческом этапе.

Биологические науки, изучающие происхождение, развитие и изменения биосферы Земли, а также взаимодействия организмов между собой и своей средой обитания, опираются на системные представления теории эволюции, дающие прочную научную основу для комплексного изучения сложных естественных систем, которыми являются живые организмы и их различные объединения. Авторы социологических концепций, использовавшие в своих теоретических конструкциях идеи теории эволюции, основывались на сформулированных Г. Спенсером представлениях о социальных процессах как части единых эволюционных процессов, происходящих в природе. Поскольку фундаментальным основанием биологии является эволюционное учение, то в контексте мировых тенденций в науке представляется актуальным проведение анализа социологических концепций, сформулированных под влиянием теории эволюции.

Начало развития эволюционного направления в социологии было положено Гербертом Спенсером, мировоззрение которого характеризуется глобальным, вселенским видением единства эволюционных

процессов. Особенно бурно это направление стало развиваться в связи с фундаментальными биологическими открытиями XIX в., в процессе которых были сформулированы основные законы теории органической эволюции, дополненные в дальнейшем генетическими законами о передаче по наследству признаков организмов. Так, Г. Спенсер высказывает мысль о невозможности признать общество механическим агрегатом на том основании, что общество, состоящее из живых частей, не может не быть и само живым, целым. Причем органическое и общественное тела в своих существенных чертах сходны по таким критериям, как рост, дифференциация, строение, специализация функций, размножение и смерть. Г. Спенсер утверждал, что развитие общества всегда сопровождается увеличением его объема, ростом, причем явления общественного роста совершаются в тех же формах, что и явления органического роста. Внутри организма клетки размножаются, это характерно и для человеческого общества. Другой путь к росту заключается в присоединении извне новых клеток, а в обществе – в завоевании новых территорий. Развитие общества выражается, однако, не только в увеличении объема, но и в переходе от однородного состава и строения ко все более и более разнородному – образованию сословий, различных классов, разнообразных общественных учреждений. Это выражается и во всевозрастающей специализации деятельности индивидов, составляющих общественный организм.

Натуралистический подход к исследованию общества, который в зарубежной социологии был представлен как органицизм, социальный дарвинизм, географический детерминизм, получил распространение в России и был назван Н. И. Кареевым «социологическим натурализмом». Считалось, что такой подход позволит поставить социологию на почву строгой научности. Первым из отечественных социологов, сформулировавшим принципы органического подхода к изучению общества, был **Николай Дмитриевич Ножин (1841 – 1866)** – биолог, социолог, общественный деятель. Его социологические взгляды нашли отражение в работе «Наша наука и ученые: книги и издания», изданная в 1895 г., а также в воспоминаниях о нем современников. С точки зрения Н. Д. Ножина, законы биологии действуют не только в мире животных, но и в обществе людей, поэтому их следует применять для объяснения социальных явлений и процессов. Это поможет социологам обнаружить проявление механизма взаимодействия людей в специфических

условиях общественной жизни, например, солидарности. Общество Ножин определял как объединение свободных индивидов на основе солидарности и взаимопомощи. В свою очередь, принцип солидарности и взаимопомощи он противопоставлял буржуазному принципу конкуренции. Критикуя политиков и экономистов за то, что они видели социальные противоречия только в неравномерности распределения богатств, Н. Д. Ножин призывал обратить внимание на то, как действуют в социальной сфере биологические законы, а именно: чем большей дифференциации достигает разделение труда, тем слабее становится степень солидарности между группами одного вида, тем более затруднено взаимопонимание внутри них. Чем глубже разделение труда, тем менее свободными и самостоятельными становятся люди, тем слабее между ними взаимоотношения. В качестве примера социолог приводит процессы в сообществах муравьев.

Социальный прогресс Н. Д. Ножин связывал с успехами научного знания, а источниками социального прогресса он считал процессы взаимопомощи и единения «целостных личностей». Гармонию целостной личности, по его мнению, нарушает разделение труда, которое приводит к регрессивным изменениям. Н. Д. Ножин уделил внимание и вопросам предназначения наук в обществе, практического использования результатов научных исследований, состоянию науки в России, моральных требований к ученым. Наука, считал ученый, не должна служить орудием насилия, ее достоинства должны измеряться практической пользой полученных результатов и способностью помогать достижению человеческого идеала. «Ученому сословию» социолог отводил ведущую роль в переустройстве общества. Им были сформулированы следующие принципы научного исследования: умственная и нравственная солидарность всех членов научного сообщества, взаимобмен услугами между ними, самоконтроль и ответственность. Реформа общественных наук, по его мнению, должна начинаться с обращения их к естествознанию.

Концепции о том, что общественные науки должны сблизиться с естествознанием и усвоить его приемы и методы познания, придерживался А. И. Стронин, но достигнуть такого состояния возможно только с помощью метода аналогии, который должен стать основным принципом органицизма. Аналогия при этом допустима только тогда, когда речь идет об однопорядковых социальных явлениях при строгом

соблюдении конкретного исторического подхода, в противном случае она может превратиться в бессодержательный параллелизм. Г. В. Плеханов отмечал, что господствующая до К. Маркса в общественных науках точка зрения «человеческой природы» привела к «злоупотреблению биологическими аналогиями, которое и до сих пор дает себя сильно чувствовать в западной социологической и особенно в русской quasi-социологической литературе»³⁵. **Александр Иванович Стронин (1826 – 1889)** окончил историко-филологический факультет Киевского университета, после кратковременного увлечения народническими идеями долгое время служил в Министерстве путей сообщения. Основные социологические труды А. И. Стронина – «История и метод», «Политика как наука» и «История общественности», в которых внимание сконцентрировано на проблемах метода исследования общества, социальной структуре общества и законах функционирования и развития «социального тела». В своих работах А. И. Стронин выделил три общих закона функционирования «социального тела»: 1) общий биологический, 2) общий социологический, 3) общий политический. Здесь совершенно очевидна попытка подойти к законам общества, основываясь на принципе возрастающей сложности наук и убывающей общности законов.

Тождество общества с организмом Стронин пытался доказывать, сопоставляя сходство их закономерностей и функционирования. Он переносил на общество законы природы на основании якобы их тождества и одинакового количества в обеих областях. Общество для него – в буквальном смысле организм, а социальные институты – отдельные части организма, но общество – организм более сложный, чем любой биологический, и является новой формой природы. Однородность функционирования человека и общества он прослеживал вплоть до мельчайших деталей, поэтому, писал Стронин, «социология необходимо уже должна быть аналогичной с физиологией»³⁶. По мнению А. И. Стронина, каждое общество, как и любой организм, имеет свои начало и конец. Движение общества, его прогресс и регресс совершаются на основе биологических законов. Так, например, нравственный упадок и потеря идеалов происходят в результате биологического вырождения человечества. Стронин ищет первопричину гибели обществ

³⁵ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 761.

³⁶ Стронин А. И. История и метод. СПб., 1869. С. 265.

в законах механики: поскольку никакое движение не может быть вечным, имеющийся в обществе «точно определенный запас сил... рано или поздно иссякнет»³⁷.

Органицизм Стронина дополнялся механицизмом: по своему строению общество представлялось ему в виде пирамиды, которая была внешним отражением социальной иерархии тогдашней российской действительности. Ее вершина – привилегированное меньшинство в лице законодателей, судей и администрации, затем класс «капиталистов», а в основании пирамиды – подавляющее большинство общества, такие как земледельцы и ремесленники. Социальная пирамида складывается, по мнению А. И. Стронина, под воздействием физических причин, поскольку по законам физики пирамида имеет при движении наименьшее сопротивление и одновременно наибольшую устойчивость. Из признания пирамидального строения общества Стронин делал консервативный вывод, что только высшая бюрократия и интеллигенция как единственные создатели нравственных и умственных богатств могут заниматься политикой – все остальные слои «политически непроизводительны» и не должны в нее вмешиваться. Для Стронина общество было высшей и наиболее совершенной ступенью в развитии природы, которая характеризуется различной политической и духовной деятельностью. Политическую деятельность Стронин подразделял в соответствии с различными сторонами выражения психики человека: разум проявляется в активности интеллигенции, чувства – в гражданственности масс, а воля – в актах правительства.

Таким образом, социологическая теория А. И. Стронина представляет собой сочетание прямолинейного органицизма, механицизма и некоторых элементов психологизма. Отождествление структуры общества с пирамидой, а его жизнедеятельности с функционированием человеческого организма и психики послужило Стронину теоретической основой для крайне консервативных политических выводов. Признавая необходимость преобразований, Стронин в то же время считал, что в России отсутствует почва как для «произрастания революционных семян», занесенных из стран Западной Европы, так и для внутренних социальных потрясений.

³⁷ Стронин А. И. Политика как наука. СПб., 1873. С. 26 – 27.

В отличие от А. И. Стронина другой представитель органического направления **Павел Федорович Лилиенфельд-Тоаль (1829 – 1903)** единственным методом изучения общества считает индукцию. Но понималась она как метод отыскания сходства и различия природы и общества, как сравнительная аналогия между социальными силами и силами природы. Крупный царский сановник и монархист П. Ф. Лилиенфельд принимал активное участие в международной социологической деятельности, являлся Президентом III Международного социологического конгресса. В 1860 г. выходит в свет первая книга П. Ф. Лилиенфельда «Основные начала политической экономии», в которой он предпринял попытку теоретически обобщить свои экономические и социальные воззрения в духе контизма: «Общество человеческое – не есть дело случая, насилия или мудрости людской. Оно не получило начала по взаимному, гласному или безмолвному уговору его членов»³⁸. Лилиенфельд выдвинул положение о том, что общество не является продуктом произвольного соглашения людей, а есть живая система, которая развивается и функционирует, подчиняясь действию всеобщего закона, и «отвратить или уничтожить те последствия, которые должны проистекать из необходимой, естественной между явлениями и событиями связи, лежит вне человеческой власти»³⁹.

В работах Лилиенфельда основное внимание было уделено одной проблеме – рассмотрению общества как организма. Разделяя представления о том, что наука должна основываться на позитивных фактах и избегать обращения к метафизическим сущностям, Лилиенфельд определял общество как предмет социологии только в том случае, если оно будет рассматриваться как биологический организм. В 1872 г. выходит книга П. Ф. Лилиенфельда «Мысли о социальной науке будущего», которая затем в значительно расширенном виде вышла на немецком языке. Первая часть русского варианта называется «Человеческое общество как реальный организм», и здесь Лилиенфельд заявлял, что социальные законы могут быть выводимы лишь путем аналогии между действием социальных сил и органических сил природы⁴⁰. В основе же

³⁸ Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. Основные начала политической экономии. СПб., 1860. С. 1.

³⁹ Там же. С. 4 – 5.

⁴⁰ См.: Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. Мысли о социальной науке будущего: Человеческое общество как реальный организм. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 408 с.

всех действий, движений или событий органической и социальной жизни находятся, по его утверждению, простейшие законы механики: все процессы могут и должны быть сведены до самого простого механического движения. Любой организм есть сочетание клеток, подобно тому и общество состоит из клеток – человеческих индивидов. Идя по такому пути, Лилиенфельд приходит к утверждению, что все окружающее человека (почва, климат) и созданное людьми есть межклеточное вещество, наподобие существующего в животном или растительном организме.

Лилиенфельд усматривает полную аналогию между обществом и организмом как в отношении отдельных процессов – размножение, рождение, рост, смерть, болезнь, так и органов – мозг и правительство. Т. е. группировка людей происходит по законам соединения клеток в каждом отдельном организме. Будучи основной единицей общества, человек не может существовать сам по себе, независимо от окружающего его мира, он органически связан как с природой, так и с другими людьми. Причем эти связи, потребности людей реальны, поэтому общественная позитивная наука имеет дело не с умозрительными категориями, а с понятиями, основой которых являются реальные отношения и связи. Органическая теория общества в основе своей базируется на принципах позитивистской философии, а именно: подчинение всех явлений неизменным естественно-научным законам, сведение их числа к минимуму, бессмысленность поисков бесконечных причин, использование естественно-научных методов в исследовании социальных явлений. Пользуясь сравнительно биологическим методом, Лилиенфельд старался установить социально-эмбриологический закон, согласно которому в развитии отдельного человека наблюдаются те же этапы, что и в развитии человечества в целом.

Проводя аналогии между обществом и организмом, Лилиенфельд указывал на то, что общество питается из окружающей среды – *экономика*, общество подобно организму слагается в различные формы посредством разграничения отдельных клеток – *юриспруденция*, а также общество приводится к единству посредством подчинения одних индивидов другим – *политика*. Однако, признавая отличие человека от животного и от клетки, Лилиенфельд не считал это различие достаточным. Индивид – это «капитал психофизической энергии», накопленной в результате взаимодействия и унаследованной у предков. Этот капитал

в процессе развития можно искусственно увеличить – например, воспитанием. Каждый человек должен занимать соответствующее ему в обществе положение и выполнять определенные обязанности, как это происходит с клетками в организме, учитывая при этом следующие факторы: происхождение, психические характеристики, полученное воспитание. Следовательно, согласно мнению Лилиенфельда, неравенство людей и иерархическая организация общества справедливы, рациональны и согласуются с законами природы.

П. Ф. Лилиенфельд говорил об опасности патологических состояний общества, таких как классовая борьба и революция, полагая при этом, что нельзя вмешиваться в эволюцию общества, поскольку оно, как и биологический организм, должно развиваться само в соответствии со своей природой. Болезнь сначала охватывает отдельные клетки и только затем, в случае отсутствия лечения, распространяется на весь организм. Следовательно, необходимо выявлять и лечить болезни. Социологи, таким образом, – врачи общества, а готовить специалистов социологов равносильно укреплению иммунитета. Социологическая концепция Лилиенфельда выполняла реакционную охранительную функцию в своем утверждении о неизменной и естественной природе всех социальных институтов и явлений. В 1897 г. П. Ф. Лилиенфельд выступал вместе с Я. А. Новиковым, отстаивая органическую теорию, где их основными оппонентами были Г. Тард, Л. Штейн и Келлес-Крауц.

Яков Александрович Новиков (1850 – 1912) является автором многочисленных работ по социологии и в начале своей деятельности был одним из активных защитников органической теории, а в дальнейшем перешел в основном на позиции социального психологизма. Как одну из важнейших проблем социального познания, проблему научного метода Я. А. Новиков рассматривал исходя из того, что методология социального познания должна представлять собой совокупность приемов, с помощью которых продуцируется истинное знание об обществе. В социальном познании, по сравнению с естественнонаучным, функции практики реализуются иначе, например, если объект естественнонаучного познания полностью открыт для манипулирования им, то практическое воздействие на объект социального познания всегда ограничено соображениями гуманистического порядка, нормами нравственности. В соответствии с этим социальная практика может

служить познанию лишь частично или опосредованно: «В области социальных наук возможны и прямые, и косвенные опыты»⁴¹. По мнению Новикова, прямые опыты – прерогатива правительства, тогда как косвенные эксперименты возможны, при помощи их можно проверить, например, ценность, полезность тех или иных экономических и прочих воззрений, бытующих в обществе. Конечно, в различных ситуациях практику социальной деятельности можно больше или меньше подчинить задачам познания. Но ее гуманистическое измерение всегда должно присутствовать.

В социальном познании субъект опирается не только на контролируемую, но и стихийную человеческую деятельность. В разнообразной социальной деятельности пропорции стихийности и контролируемости могут быть существенно различны, а в особом социальном эксперименте контролируемость может достичь высокой степени, но полностью изолировать объект социального познания от возмущающих воздействий, держать под контролем эти воздействия в социальном познании невозможно. Поэтому практическая проверка выводов о социальных процессах всегда имеет больший элемент проблематичности по сравнению с тем, что мы имеем в естествознании.

Я. А. Новиков, анализируя развитие социальных явлений, представлял его как «вечную борьбу без промежутков и перемирия»: «Два живых существа, находящиеся в условиях непосредственного соприкосновения, могут оставаться совершенно чуждыми друг другу, пока между ними отсутствует деятельное общение. Но лишь только создается это общение, организуется община. В большинстве случаев общение начинается обменом материальных веществ. Пока связь между составными единицами поддерживается исключительно потребностями животной природы, ассоциация носит биологический характер; перед нами своего рода многоклеточный организм или животная колония»⁴². Но при этом Новиков утверждает, что община является организмом, живущим в области психических феноменов, и поэтому формы социальной борьбы согласовываются с сущностью общества и происходят на почве процессов психического порядка. А естественными орудиями

⁴¹ Новиков Я. А. Протекционизм. СПб., 1890. С. 262.

⁴² Новиков Я. А. Социальный Дарвинизм / пер. А. Вяхирева. М. : Изд. В. Д. Карчагина, 1906. С. 129 – 130.

в социальной борьбе являются изобретательность и критическое исследование. С переходом человеческих отношений в интеллектуальную фазу в обществе может быть положен конец насилию, и в этом, по мнению Новикова, состоит задача общества и социологического знания.

Органическое направление в русской социологии связано также с именем **Петра Алексеевича Кропоткина (1842 – 1921)**, который стремился поставить разработку теории анархизма на научную основу. Его мировоззрение воспринимало человека как часть органического мира, поэтому анархизм – это не просто идеальное безгосударственное общественное устройство, а философия и природы, и человеческого общества. Метод познания П. А. Кропоткина основан на единстве всего живого на земле и общем для всех законе взаимной помощи и солидарности, и этот закон составляет своего рода стержень всей социальной концепции Кропоткина. Его наблюдения за жизнью и бытом множества людей кочевых племен коренного населения Сибири, духоборов, переселившихся на Амур, общение с казаками во время путешествий дали Кропоткину пищу для раздумий о созидательной работе «неведомых масс, о которых редко упоминается в книгах», привели к осознанию роли этих масс в крупных исторических событиях. При этом он акцентировал внимание на «полукоммунистической жизни» общин духоборов, подчеркивая преимущества этих форм устройства жизни перед другими.

Одновременно, размышляя над вопросом функционирования овеществленного организма, Кропоткин пришел к выводу о порочности государственной бюрократической централизации. Государственной дисциплине он противопоставлял действия людей на началах взаимопонимания. Кропоткин пришел к выводу, что человек действует на основе закона о взаимной помощи, хотя и не осознает это. Когда он видит горящий дом и хватается ведро с водой, чтобы погасить пламя, то руководствуется отнюдь не любовью к хозяину, которого может и не знать, а инстинктом общечеловеческой солидарности, общительности. Кропоткин отмечал, что во время путешествий в Восточной Сибири и Северной Маньчжурии его особенно поразили две черты в жизни животных: с одной стороны – необычайная суровость их борьбы за существование в условиях безжалостной природы, с другой – отсутствие острой борьбы животных одного вида. У Кропоткина вызывали чувство протеста те работы, в которых утверждалось, что борьба каждого

отдельного животного против всех сородичей и каждого отдельного человека против всех людей является законом природы. Между тем, считал ученый, помимо закона взаимной борьбы в природе существует и закон взаимной помощи, который играет значительно большую роль в развитии всего живого. Это утверждал, в частности, известный русский зоолог К. Ф. Кесслер, продолжая идеи Ч. Дарвина. Инстинкт взаимопомощи, общительности существует и среди разных «общественных животных», начиная от самых низших. Отобрав из множества примеров и фактов самые убедительные, ученый показал, как стремление к общительности помогало животным выстоять в борьбе и сохранить свой вид. Именно этот инстинкт, развивавшийся в течение долгого времени среди животных и людей, научил их «сознавать ту силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку, и сознавать удовольствия, которые можно найти в общественной жизни»⁴³.

Кропоткин исследовал взаимопомощь среди племен бушменов, готтентотов, эскимосов, выявляя ее роль в создании таких форм человеческого общежития, как род и община, в период средневековья – цехи, гильдии, вольные города, в новое время – страховые общества, кооперативы, объединения людей по интересам (научные, спортивные и др.), раскрывал солидарность рабочих во время их выступлений против буржуазии. На основе проведенного анализа ученый обосновал закон взаимной помощи и солидарности как всеобщий биосоциологический закон, который действует в качестве неперемennого условия прогресса человеческого общества, фактора его эволюции. Объединение, взаимодействие – это те средства, которые необходимы для безопасности каждого в отдельности и всех вместе, а также важнейшая гарантия физического, умственного и нравственного развития, и именно этому учит нас природа, утверждал Кропоткин.

Рассматривая взаимопомощь как основной принцип формирования нравственности человека, П. А. Кропоткин сформулировал также этическую концепцию: «Природа может поэтому быть названа первым учителем этики, нравственного начала для человека. Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным, – вот источник всех этических понятий и всего последующего

⁴³ Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М. : Самообразование, 2007. С. 57.

развития нравственности»⁴⁴. Практика утверждения взаимопомощи в процессе длительной эволюции человечества, по мнению Кропоткина, логически ведет к развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия – это и есть идеал анархо-коммунизма. Вместе с тем в трактовке Кропоткина равенство есть признание свободной личности, права на ее всестороннее развитие, что является также важнейшей исходной посылкой анархистской доктрины. Личную свободу, как неизменно подчеркивал Кропоткин, душит государство, его военно-бюрократическая организация, система образования, воспитания. Безгосударственное общество Кропоткин представлял в виде вольного федеративного союза самоуправляющихся единиц, таких, например, как община, автономия и прочие, над которыми не тяготеет центральная власть и которые строят свои взаимоотношения на принципе добровольности и «безначалия». Отношения, построенные на нравственности, на признании других равными себе, на альтруизме и на стремлении к справедливости, дадут возможность, с одной стороны, создать идеальное общество, где каждый будет соотносить свои стремления со стремлениями других, а с другой – все смогут развиваться и образовываться без каких бы то ни было ограничений. Кропоткин, таким образом, снимал противопоставление личного и общественного.

Итак, можно сделать вывод, что теория органицизма в некоторой степени отвечала умонастроению определенных кругов русского дворянства и буржуазии, заинтересованных в апологетике существующего строя. Представители органической школы использовали достижения естественных наук, создавая свой взгляд на социальную реальность и законы ее развития. Их вера в единственность научных методов постижения социального бытия исходила из первостепенной роли научного знания с его стремлением к отрицанию всякой метафизики и убеждением в относительности постулируемых истин. Концепции российских органицистов имеют много общих черт: системность взгляда на общественную жизнь, объективизм в оценке социальных явлений, оптимизм в интерпретации исторических судеб человечества. Органицисты полагали, что социология должна в поисках социальных законов обращаться к наиболее развитым на то время наукам, в частности, биологии. Только в этом случае, используя уже апробированный метод и

⁴⁴ Кропоткин П. А. Этика. М. : Изд-во полит. лит., 1991. С. 50.

более совершенную терминологию, новая социальная наука, по их мнению, может избежать умозрительности философии и эмпиризма истории. Чтобы выделить законы общественного развития, они обратились к общим законам органического мира, а также к поиску аналогий между природным организмом и обществом. В истории существования многих поколений людей в различных регионах Земли им виделась история формирования единого взаимосвязанного общественного организма из разрозненных социальных общностей.

Представители органического направления создали теорию, в рамках которой возникает представление о конкретном реальном обществе, локальном социальном организме, проходящем все фазы развития: детство, юность, зрелость, старость, смерть. Это означало, что для каждого социального организма существует своя система отсчета, не исключающая законов общественного развития, которые чаще проявляются в форме органических требований. Таким образом, на фоне исканий практических решений, общих принципов и законов, по которым можно было бы действовать, российские ученые в лице П. Лилиенфельда, Н. Ножина, А. Стронина, Я. Новикова, П. Кропоткина пытались моделировать социальную реальность согласно своим мировоззренческим установкам, преодолевая сложившиеся в сознании общества механистические стереотипы. Объяснение социальных явлений через призму органического мировосприятия сыграло немаловажную роль в деле становления особого научного поля, на котором прогрессивная часть общества стала осознавать, что в общественной, как и в природной среде в целом, все явления находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, что общество – продукт естественного развития природы и развивается по объективным законам, которые человеку необходимо знать с тем, чтобы разумнее осуществлять организацию своей и общественной жизни.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Органическое направление в русской социологии.
2. Организмическая метафора в творчестве русских социологов.
3. Влияние идей Герберта Спенсера на формирование русской социологической мысли.

Глава 5. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ранние представления о географическом и геополитическом пространстве, а также о роли во взаимодействиях сообществ, возникшие в древности, были, скорее, мечтами об идеальном мироустройстве, где органично переплетались верования, обычаи, традиции. Это объяснялось недостаточными знаниями географии, страхом людей перед природными стихиями и невозможностью им противостоять. Но несмотря на это, уже в данный период возникают первые попытки осознать связь влияния пространства и власти, географии и политики в рамках философского поиска мудрого и справедливого правления. Таким образом, религиозно-мифологические представления сменяются рационалистическим взглядом на мироустройство, затем приобретают философско-этическую направленность. Сходство традиций Востока и Запада состояло в том, что общество и человек признавались неотъемлемой частью мирового космического пространства, а различие – в различной интерпретации роли географического фактора и природных условий. Значение географических условий в развитии общества можно увидеть в рассказах древних мореплавателей, которые отмечали, что реки и моря способствуют торговле, частной собственности, разделению труда. Более быстрыми темпами развивались общества, где были крупные реки и моря, а не на степных, лесных и пустынных пространствах.

Античные мыслители обратили внимание на то, что в решающие моменты мировой истории судьбу человечества определяют столкновения цивилизаций Моря и цивилизаций Земли. Влияние климатических условий и географической среды на развитие общественно-исторических процессов, обычаи, нравы анализировали в свое время Гиппократ, Геродот, Полибий, Парменид. Была сформулирована теория пяти климатических поясов земли: два холодных, два умеренных и жаркий. Аристотель также отводил значимую роль в зарождении государства географическому положению и природным условиям. Так, в «Политике» Аристотель пишет: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие

же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем»⁴⁵.

Платон в «Законах» говорил о том, что одни народы «сделаны» лучше, чем другие, а другие хуже из-за различий их мест обитания: «Одни местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей. И невозможно устанавливать законы вразрез с местными условиями. Ведь в иных местах различные воздушные течения и зной делают людей странными и неудачливыми; с другой стороны, влажность климата и даваемая землей пища не только делает то лучшим, то худшим тело, но все это не меньше может влиять и на душу»⁴⁶. Высказал также ряд догадок о роли географического фактора в обеспечении стабильного функционирования общества Марк Туллий Цицерон. Идеальное государство, по его мнению, должно быть организовано в гармонии с природой вещей на основе естественного права, а следовательно, в соответствии со справедливостью. Преимущество Рима обусловлено географическим месторасположением города на суше с выходом к морю по реке Тибр, что гарантирует защиту от внезапного нападения врагов и благоприятно в нравственно-этическом плане. А приморским городам свойственно изменение нравов под влиянием частого соприкосновения с чужими языками, порядками, нравами. Цицерон доказывал также право римлян повелевать варварами, поскольку рабство устанавливается для таких людей как благо. Позднее это нашло отражение в концепции европейцев о «приобщении к цивилизации» отсталых народов. Географические открытия XV – XVII вв. сформировали новые модели пространственных взаимоотношений. Так, Жан Боден выдвинул теорию климата и в своей работе по философии истории «Метод легкого изучения истории» в некотором

⁴⁵ Аристотель. Политика. Книга седьмая // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 601.

⁴⁶ Платон. Законы. Книга пятая // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1994. С. 200.

роде предвосхитил метод рационалистической философии и социальной физики, осуществив анализ соотношения основных и случайных факторов, влияющих на историческое развитие.

В эпоху Просвещения такими мыслителями как Монтескье, Дидро, Руссо, Д'Аламбер, Ламетри была сформулирована концепция географического детерминизма для выявления законов и факторов всемирной истории. Географическая школа как особое направление в социологии начала рассматривать географическую среду как определяющий фактор развития общества. Так, Ш.-Л. Монтескье считал, что разнообразие законов и учреждений не является результатом фантазии людей, они объективно обусловлены своеобразием среды, в которой создаются и функционируют. Монтескье назвал данную обусловленность «духом законов» – совокупность отношений к климату страны, ее почве и рельефу, нравам, верованиям, численности, экономической деятельности людей. Мыслитель полагал, что людьми управляют климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, обычаи, и в определенных условиях эти факторы могут выступать на первый план социальной детерминации либо отодвигаться назад. Например, географическая среда играет решающую роль в жизни отсталых народов, а в жизни цивилизованных эту роль будет играть законодатель. Но «субстанцию» истории видел Монтескье только в природных условиях существования человека, таких, как климат, почва, географическое положение: «Власть климата есть первейшая власть на земле»⁴⁷.

Методологию анализа пространственных отношений, основанную на соединении принципа географического детерминизма и философии истории предложил Г. В. Ф. Гегель. Основной аспект, определяющий роль народа во всемирной истории, зависит от зрелости жизненного пространства, влияющего на духовный мир людей, населяющих данную местность. Гегель разделил мировое пространство в зависимости от его пригодности в качестве среды обитания как в физическом, так и духовном смыслах на две части – Старый Свет («физически зрелые» местности) и Новый Свет («физически незрелые» местности). Другим аспектом, определяющим место народа в истории, согласно Гегелю, является их близость или отдаленность от моря, которое ока-

⁴⁷ Монтескье Ш. О духе законов // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М., 1970. С. 141.

зывает влияние на характер и делает историческими или неисторическими. Одним из первых ученых он обратил внимание на то, что промышленное развитие тесно связано с морским существованием: «Если условием принципа семейной жизни является земля, твердая почва, то условием промышленности является оживленная в своем внешнем течении стихия, море»⁴⁸. Концепцию противостояния Суши и Моря предложил К. Риттер, который соотносил историю человечества и историю природы. Он также делил геополитическое пространство на Старый и Новый Свет, но, в отличие от Гегеля, не по «зрелости», а в связи с климатическими особенностями. Риттер говорил о том, что в странах Старого Света заметно климатическое однообразие, тогда как в Новом Свете доминируют значительные климатические различия.

О необходимости изучения законов разума и природы говорил Генри Томас Бокль в труде «История цивилизации в Англии». Он обосновывал идею о том, что цивилизация является результатом закономерной цепи причин, а основной фактор общественного развития в странах с умеренным климатом – это разум человека, тогда как в нецивилизованных странах общественное развитие зависит целиком от природы. Климат, пища, почва определяют умственное и физическое развитие общества, следовательно, история человечества есть история борьбы между просвещением и враждебным отношением к науке, насилием и свободой, скептицизмом и ортодоксией. Особое значение Бокль уделял такому понятию, как ландшафт: существуют ландшафты, возбуждающие воображение, и ландшафты, способствующие развитию логической деятельности. Для тропиков характерен первый тип: это места возникновения всех древнейших цивилизаций, где преобладающее воздействие имели силы природы. Второй тип свойственен для Европы, где больше внимания уделялось умственному развитию, а не физическим условиям, подчиняя природу человеку.

В конце XIX в. во Франции сложилась так называемая школа «географии человека», рассматривающая географическую среду как ограничивающее и изменяющее деятельность людей начало, и вместе с тем важное значение при выборе того или иного пути развития отводилось историческим условиям. Природа воздействует на особенности

⁴⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель. Сочинения. Т. 8. М. ; Л., 1935. С. 84 – 85.

исторического и социального развития народов, способствуя определенной общественно-экономической организации стран, однако перевести «возможность» в «реальность» способен только человек. В рамках данного направления Жан Жак Элизе Реклю изложил свою концепцию «физической географии», базирующейся на тезисе о гармонии между человеком, Землей и космосом. Климат и почва – это естественные условия обитания, но в процессе исторического развития изменяются отношения человека и природы, нарушается первичная гармония и возникают серьезные проблемы. По мнению Реклю, только человеческая солидарность способна положить конец экономическому и социальному неравенству и поможет перейти от исторических циклов к подлинной эволюции. Также Реклю говорил о том, что характер цивилизации и социального строя зависит от того способа приспособления к условиям окружающей среды, какой практикует данный народ.

Что касается обоснования своеобразия общественного развития географическими факторами в нашей стране, то такие попытки были предприняты в наибольшей степени Л. И. Мечниковым. **Лев Ильич Мечников (1838 – 1888)** родился в Петербурге в семье помещика, затем вместе с семьей переехал в Харьков, один семестр проучился на медицинском факультете Харьковского университета. Научные занятия он продолжил в Петербурге, посещая лекции в университетах, одновременно изучая европейские и восточные языки. По обязанностям службы он жил то в Египте, то в Малой Азии, потом переехал в Венецию, где принял участие в освобождении Италии, вступил в «тысячу» Гарибальди. Так он страстно увлекся идеей освобождения народов от гнета иноземных властителей, принял энергичное участие в социальном движении Швейцарии, Испании, Франции, устраивая сходки, конференции, съезды и издавая брошюры. В это время он знакомится и сближается с русскими эмигрантами Герценом, Бакуниным, Жуковским, и в это же время начинается его литературная деятельность в России. После непродолжительного преподавания в Японском университете Мечников возвращается в Европу, привезя с собой законченный труд о Японской империи. В поисках издателя он знакомится с упоминавшимся нами ранее Э. Реклю и начинает работать в задуманной последним «Всемирной географии». С 1883 г. и до конца жизни Л. И. Мечников возглавлял кафедру сравнительной географии и статистики в Невшательской академии в Швейцарии.

Главное сочинение Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», написанное по-французски, было опубликовано после его смерти в 1889 г. и привело к мировой известности Мечникова как социолога. В своей книге он изложил различные исторические периоды, берущие начало в бассейнах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. Мечников проанализировал различные этнокультурные культуры, их смешение друг с другом, что способствовало зарождению средиземноморской цивилизации – на западе охватившей Малую Азию и Западную Европу, а на востоке – культуры Китая и Японии. Развитие цивилизации совершалось по спирали, с чередованием эпох прогресса, колебаний, так называемых «приливов» и «отливов». Влияние «воды», согласно Мечникову, на социальные судьбы людей происходит не непосредственно, а через кооперацию, необходимость создания которой, а также ее формы, определяются различием географической среды. С другой стороны, изменения в обществе связаны со способностью народа, населяющего данную местность, выполнять деятельность в соответствии с требованиями окружающей природы.

Мечников полагал, что естественная среда менялась под воздействием труда многих поколений людей – «безымянных народных масс», в свою очередь усовершенствование техники и труд могут влиять на историю путем изменения географической среды. Человек наследует от своих предков трудовые привычки, которые изменяют способности человека к коллективной работе. Только на высшем этапе истории человечества принуждение и подчинение заменяются на свободный и добровольный союз людей, соединивший индивиды «в силу общности интересов, личных склонностей и сознательного стремления к солидарности»⁴⁹. Так, по мнению Мечникова, степень свободы при образовании кооперации является главным показателем социального прогресса, а различие типов кооперации зависит от сознания людьми необходимости объединения. В общественной жизни мерилем прогресса становится солидарность, которая в ходе эволюции постепенно вытесняет первичную борьбу за существование, господствующую в природе: «Биология изучает в области растительного и животного мира явления борьбы за существование, социология же интересуется только проявлениями солидарности и объединения сил, т. е. факторами кооперации в природе»⁵⁰.

⁴⁹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. С. 65.

⁵⁰ Там же. С. 43.

В мировой истории Л. И. Мечников выделял три эпохи – речную, морскую и океанскую, которые закономерно сменялись: «Капризное на первый взгляд и случайное передвижение центра цивилизации из одной страны в другую в разные эпохи, изменение в течение истории культурной ценности различных географических областей в действительности представляется явлением строго закономерным и подчиненным порядку. Географическая среда эволюционирует во времени, она расширяется вместе с прогрессом цивилизации. Ограниченная в начале исторического периода не особенно обширными бассейнами больших рек ... эта среда в известный момент охватывает побережья внутренних морей, а затем распространяется на океаны, охватывая мало-помалу все обитаемые области земного шара»⁵¹. Причину прогресса у древних обществ Мечников видел в реках, для усмирения которых требуется кооперированный труд множества человек, поскольку небрежность при строительстве в рытье каналов или строительстве дамб могла привести к бедствиям. Другие, тоже весьма могущественные реки мира, окруженные в свою очередь плодородными землями, не могли стать очагами цивилизаций, так как из-за благоприятных условий не требовали совместных усилий населения.

Однако, по мнению Мечникова, взаимная солидарность складывалась не сознательно и добровольно, а принудительно с «подчинением одной воле» и, следовательно, формировали деспотический образ правления. К речному периоду относились Древний Египет, Ассирийско-Вавилонское царство, Древние Индия и Китай. Этот период социолог разделил на две эпохи – эпоху изолированных народов и эпоху первоначальных международных отношений и сближений народов. На данном этапе Мечников останавливается, говоря о том, что рождение нового средиземноморского этапа, а затем и океанического периода, является естественным перерастанием одной цивилизации в другую. Средиземноморский период он подразделил на эпоху Средиземного моря, где главные очаги культуры представлены крупными олигархическими государствами, и эпоху морскую, охватывающую средние века. Период океанический также подразделялся Мечниковым на две эпохи – атлантическую и всемирную. «Проблема, поставленная нами, слишком обширна, чтобы ее можно было разрешить силами одного

⁵¹ Мечников Л. И. Указ. соч. С. 140.

только человека и в одной небольшой книге. Вследствие этого в настоящем произведении я ограничусь лишь рассмотрением вопроса о развитии первоначальной цивилизации в речных бассейнах»⁵².

Историк **Сергей Михайлович Соловьев (1820 – 1879)**, в свою очередь, также предпринял попытку решить проблему взаимодействия географической среды и общества, особенно подчеркивая обратное воздействие общества на природу. Таким образом, его историко-философские идеи сложились в русле географического детерминизма: психологический склад населения ставился им в непосредственную зависимость от окружающих природных условий. С. М. Соловьев приводит пример того, как Западная Европа разделилась на отдельные государства вследствие преобладания «гор» и «камня», а русская равнина привела к образованию объединенного государства, обилие леса способствовало подвижности населения: «Однообразие природных форм ведет население к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению, и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства»⁵³. Соловьев попытался проследить исторические судьбы России, учитывая своеобразие природы и анализа земледельческой деятельности русского народа. Соловьев исходил из наличия благоприятных естественных условий в центре Руси, которые позволяют обрабатывать почву, побуждают к труду и вознаграждают за него. Складывается оседлое земледельческое население с высокой внутренней организацией, что дает возможность развиваться независимо от влияния норманнов и кочевников. Рассматривая эпоху петровских преобразований, С. М. Соловьев связывал внутреннюю политику Русского государства со стремлениями России добиться выхода к морю. Географическая среда определяет характер производительной деятельности людей, от которой зависит сложная социальная структура. Трудовая энергия, производимая населением, определяет социальную психологию и влияет на характер социальных отношений, что налагает определенный отпечаток на характер государства.

⁵² Мечников Л. И. Указ. соч. С. 141.

⁵³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. М., 1965. С. 60.

Придавал большое значение географическому фактору в развитии русского исторического процесса, а также освоению новых земель русский общественный деятель **Александр Дмитриевич Градовский (1841 – 1889)**. Градовский разделял идеи С. М. Соловьева о роли государства в русском историческом процессе и привнес новый анализ взаимодействия территории и хозяйства, землевладения и землепользования, с которыми он связывал проблему формирования сословий в России. Сопоставляя западный феодализм российской поместной системы и служилого государства, Градовский делает вывод об их специфике: он подчеркивает оригинальность модели служилого государства, в котором практически все сословия объединены служилой функцией по отношению к государству. Правовой статус поместья непосредственно связан с функцией несения государственной военной службы, не являясь наследственным, но и наследственное владение далеко отстоит от представлений о собственности на землю, поскольку также связано с определенными правовыми ограничениями. Обращение к истории права и хозяйства было для А. Д. Градовского одним из главных способов понять перспективы русского гражданского общества, переход к которому он связывал с деятельностью государства. Для него характерна связь политических идей в области науки государственного права и стремление расширить правовые представления общества о праве. Связь действующего права, политики и просвещения должна была, по мнению Градовского, создать личность «русского гражданина».

В системе ценностей еще одного отечественного историка **Василия Осиповича Ключевского (1841 – 1911)** географизм являлся одним из аспектов подхода к обществу. Излагая историю России, Ключевский определял исторические законы как результат взаимодействия трех основных сил: человеческой личности, общества и природы. В процессе борьбы человека с природой – то приспособление человека к окружающей среде, то подчинение ее своим потребностям – природный фактор становится исторической силой. Чем сильнее природа влияет на характер человека, тем сильнее ее воздействие на историю окружающего населения, нравственный склад, психологию, образование различных государственных форм. Однако следует искать не какую-то определенную схему, а лишь отмечать явления, которые необъяснимы без участия природы страны или ее сильного влияния. При низком развитии производительных сил, по мнению Ключевского, решающее

значение имеет «естественное богатство средствами жизни», которое во многом и определило хозяйственный склад общин. Характер социальной динамики Ключевский также объяснял природными условиями, влияющими, по его мысли, на темп исторического развития.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Географическое направление в русской социологии.
2. Основные положения работы «Цивилизация и великие исторические реки» Л. И. Мечникова.
3. Идеи географизма в работах русских историков С. М. Соловьева, А. Д. Градовского и В. О. Ключевского.

Глава 6. ПСИХОЛОГИЗМ КАК ТЕНДЕНЦИЯ В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Временем зарождения психологического направления в социологии принято считать конец 90-х гг. XIX в., связанного с именем **Гюстава Лебона (1841 – 1931)**, опубликовавшего в 1895 г. свой труд «Психология народов и масс»⁵⁴. Тем не менее, свойство «заразительности» массового настроения, его способность повышать уровень психологической готовности участвовать в совместных массовых действиях были знакомы и членам первобытной общины, которые научились вызывать друг у друга психическое состояние, подходящее для начала охоты или военных действий. Наряду с практикой стихийно сформировавшегося опыта использования психологически эффективных способов совместных действий появляются зачатки осознания социально-психологических явлений, например, в актах мистического и дологического мышления, которое было впервые изучено французским социологом и этнологом **Люсьеном Леви-Брюлем (1857 – 1939)**.

Первобытной культуре свойственно примитивное сознание, которое отличается от современного рационального мышления: оно представляет собой продукт коллективных представлений, основывающихся на традициях. На уровень абстрактного, логического, обращенного к анализу человеческих отношений социально-психологического мышления человек приходит вместе с зарождением и развитием

⁵⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. М. : СОЦИУМ, 2014. 400 с.

философии. Вывод Платона об иррациональном поведении масс как явлении, сопутствующем демократии, стал в дальнейшем доминирующим мотивом при оценке массовых социальных движений у многих социологов и политологов. Одним из первых с психологической точкой зрения политической организации общества выступил Аристотель: человек по своей природе суть животное политическое, и общественный инстинкт составляет первооснову происхождения общественного союза. Аристотель также пытался раскрыть социальные корни соответствующих политических настроений – прежде всего, социального неравенства.

В некотором смысле искусство оказалось подвижнее философской и социальной мысли, опередив в отображении социально-психологических особенностей различных социальных типов, являющихся представителями определенных социальных слоев и классов. Например, **Оноре де Бальзак (1799 – 1850)** создал непревзойденные по мастерству портреты различных социальных типов французского общества XIX в., обратив внимание исследователей на вопросы классовой психологии. «Социология была потребностью времени, и после тщетной попытки найти свое теоретическое выражение у запоздалого схоластика Огюста Конта она, несомненно, нашла своего художника в Бальзаке, который фактически первым открыл психологию классов»⁵⁵. Французские историки Тьерри, Минье, Гизо одними из первых говорят о решающей роли народных масс на пути к свободе и благосостоянию, выступают против традиций буржуазной исторической науки, игнорировавшей роль народа в истории: «Философия истории XVIII столетия знала только личность, только великих людей, – масса, народ, как таковой, для нее почти не существовал. Философия истории Огюстэна Тьерри представляет собою в этом отношении полную противоположность философии истории XVIII столетия»⁵⁶.

В числе пионеров психологического направления было немало публицистов, литераторов, лингвистов, имевших большой опыт писательской деятельности. Однако к началу XX в. относятся первые экспериментальные исследования в области групповой психологии, про-

⁵⁵ Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 66.

⁵⁶ Плеханов Г. В. Материалистическое понимание истории // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. С. 648.

веденные В. М. Бехтеревым и М. В. Ланге в России, В. Меде в Германии и Ф. Олпортом в США. Результаты данных исследований позволили более определенно говорить о специфике группового взаимодействия людей, т.е. в центре внимания оказался феномен группового поведения. Представители психологического направления сосредоточили внимание на изучении психологического механизма и социальных форм проявления поведения индивида или группы. Исходя из того факта, что взаимодействие людей по своей природе есть прежде всего взаимодействие психическое, многие социологи, принадлежащие психологическому направлению, сделали два основных вывода: социология должна опираться на психологию и социология есть не что иное, как коллективная психология.

Проблемам социальной психологии посвятил свои труды французский мыслитель **Габриэль Тард (1843 – 1904)**, который исходил из того, что в основе социальной деятельности лежит психологический настрой отдельных людей и социальных групп. В процессе взаимодействия человек или социальная группа подражает другим, т. е. выполняет основную функцию человеческой психики. Подражание выступает у Тарда как усвоение и повторение людьми всего нового, что появляется в общественной жизни, например, изобретений, открытий, совершенствующих быт, а также производственной или познавательной деятельности: «Изобретение и подражание – таков основной элементарный общественный процесс ... то, что изобретается, то, чему подражают, представляет собою не что иное, как идею или желание, суждение или намерение»⁵⁷. Подражание у Тарда представлено как непосредственное проявление межличностного общения, таким образом, имеет место «коллективное мышление без коллективного мозга»⁵⁸.

Г. Тард, тем не менее, не касается некоторых важных вопросов, которые были рассмотрены в работах Н. К. Михайловского, напечатанных ранее трудов Тарда – в период с 1882 по 1893 гг. («Герои и толпа», «Научные письма», «Патологическая магия»). У Михайловского подражательность рассматривается как одно из проявлений слабого развития индивидуальности, когда к подражанию человека влечет некоторая непреодолимая сила – «мимовольное подражание». Внимание ученого

⁵⁷ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892. С. 150.

⁵⁸ Там же. С. 153.

направлено на то влияние, какое отдельная личность – «герой» – оказывает на совокупность других личностей – «толпу», в большей степени интересуясь психическим состоянием «толпы», а не личными качествами «героя».

Многие фундаментальные положения, касающиеся психической стороны деятельности людей, их межличностных отношений и развития общества, обосновал **Е. В. де Роберти**, мировоззрение которого, начиная с 90-х гг., претерпело в некотором смысле эволюцию. Так, он указывает на обусловленность социального поведения людей такими психическими фактами, как желания, эмоции, страсть, характер, образ мыслей, воля: «Все общественные явления в известной мере совпадают с явлениями собственно психическими», и психическая деятельность людей определяет социальную; отсюда главное в науке об обществе заключается «в познании законов психического взаимодействия»⁵⁹. Е. В. де Роберти считал, что проявляющаяся в психическом взаимодействии людей индивидуальная и коллективная психика воплощается в нормах их социального поведения, создаваемых ими предметах духовной и материальной культуры, системе экономических, политических и других институтов функционирования общества. Он проанализировал также влияние индивидуальной и коллективной психики людей на их межличностное общение.

Е. В. де Роберти расширяет предмет социологии, включая в нее мораль, часто даже отождествляя социологию с этикой: правила поведения управляют жизнью человека среди других подобных ему, имеют вес и значение только если выражают существенные законы, управляющие нашим поведением. Социология трактуется как универсальная наука о человеческом духе, куда попадает история науки и отдельных отраслей знания, теория познания, этика, эстетика, политика, юриспруденция. Де Роберти дает более широкое определение первой части социологии, подразделяя ее на две ветви: элементарную социологию, или «психологию», и «естественную историю общества»⁶⁰. Общая же часть социологии должна заниматься фактами и отношениями, описанными социальными исследованиями.

⁵⁹ Де-Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. С. 85 – 86.

⁶⁰ Там же. С. 86 – 87.

Центральной категорией социологии де Роберти становится понятие надорганического как, с одной стороны, социальное проявление и, с другой – психическое взаимодействие. По утверждению Де Роберти, надорганическое в своем развитии проходит две стадии: стадию психофизических отношений и психологических взаимодействий. Первая связана с элементарным нервно-мозговым взаимодействием и дает начало истинно надорганическим явлениям. В нее входят факты и процессы психофизические, состоящие из сравнительно простых явлений, которые относятся к зачаткам «животной общности» и к жизни первобытных людей. Вторая стадия включает «огромное количество фактов и процессов исторических», т. е. общественных. Множество фактов, относимых к этой стадии, де Роберти делит на четыре большие группы, «известные под именем науки, философии (или, в соответствующих случаях, религии), искусства и, наконец, практической деятельности или поведения»⁶¹, а последняя группа подразделяется на технику, экономику, право и политику. Подобная классификация психологических фактов, по мнению Де Роберти, должна отразить любое психологическое взаимодействие и соподчиненность.

Де Роберти считал, что все социальные явления и процессы можно выстроить в один эволюционный ряд, который состоит из семи общих категорий: психологическое взаимодействие – общественные группы – личность – наука – философия – искусство – практическая деятельность. Последние четыре стали основой его теории «четырех факторов цивилизации». Развитие цивилизации начинается с превращения человека в разумное создание, которое происходит под «влиянием социальной энергии, вырабатываемой постоянным соприкосновением или столкновением сознания»⁶². После этого человек наблюдает и различает, судит и соединяет и наконец символически отмечает выбранное и тогда переходит к действию. Таким образом, идея де Роберти заключалась в том, что психологическое взаимодействие групп является наивысшей формой общности и конечной причиной всего социального.

На психологическую основу деятельности людей указал также **Н. И. Кареев**, отмечая, что в поведении людей специфическую роль

⁶¹ Де Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. С. 104.

⁶² Там же. С. 170.

играет интеллектуальная, эмоциональная и волевая стороны их духовного мира. Однако, по мнению Кареева, «та психология, к которой должна обращаться социология, не может быть наукой об индивидуальном человеке. Кроме психических процессов, совершающихся внутри отдельных людей, существуют еще процессы, тоже психологического характера, которые обуславливаются духовным взаимодействием между людьми, находящимися в общении друг с другом. Одним словом, обычная индивидуальная психология должна быть дополнена психологией коллективной»⁶³. Коллективная психология способна, таким образом, стать подлинной основой социологии, поскольку все общественные явления есть в конечном счете духовное взаимодействие между отдельными людьми.

Согласно Карееву, социальная организация как совокупность среды экономической, политической и юридической – это показатель предела личной свободы. Духовная культура является определяющим фактором развития общества, которая накладывает отпечаток на поведение отдельных членов этого общества, от чего зависят их практические отношения. Социология должна исключать все индивидуальное и случайное при исследовании элементов исторической жизни, определяя содержание социального закона. Н. И. Кареев рассматривал вопрос о взаимоотношении личности и исторического процесса: всех людей можно разместить на разных степенях лестницы в соответствии с их ролью в истории. Таким образом, главная цель прогресса – развитая и развивающаяся личность, а формула прогресса включает в себя три элемента – идеал, или развитая личность, определение путей достижения идеала и выражение закона самого прогресса, или самоосвобождения личности. Кареев различал эволюцию и прогресс: эволюция имеет объективный характер и не зависит от оценки субъекта, в отличие от нее социальный прогресс связан с субъективной оценкой происходящих событий. Не всякую эволюцию можно считать прогрессивной, эволюция означает постепенность, плавность развития, ее законы познаются анализом и сравнением исторических фактов.

⁶³ Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. С. 109 – 110.

Свой вклад в обоснование роли социально-психологических явлений в деятельности и поведении людей, их социальном общении внес **Георгий Валентинович Плеханов (1856 – 1918)**. Ему принадлежит глубокий анализ психологии демократического движения в России, психологических особенностей различных эпох. Плеханов в своих трудах говорил, что для более глубокого понимания многообразных форм общественного сознания, движения научной мысли и истории искусства необходимо изучать «общественную психологию»: «Надо от экономики уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий»⁶⁴. Под общественной психологией он понимал преобладающее настроение чувств и умов в данном общественном классе конкретной страны и времени, а также привычки, нравы и традиции людей.

В «Очерках по истории материализма» Г. В. Плеханов социальную структуру общества разделяет на пять элементов: «Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием»⁶⁵. Общественная психология при этом выступает связующим звеном между определенным состоянием «духа и нравов», соответствующим политической форме общества, и формами общественного сознания – религией, философией, литературой и искусством. Например, представления образуют мифологический элемент религии, настроения относятся к области религиозного чувства, а действие относится к области религиозного поклонения или культа. Еще один пример, когда с переменой преобладающего общественного настроения и превращением его из оппозиционного в революционное происходит

⁶⁴ Плеханов Г. В. О материалистическом понимании истории // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. С. 247.

⁶⁵ Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма // Там же. С. 171.

изменение эстетических запросов и оценок в искусстве: жанровая живопись с характерной для нее фигурой нравственного отца семейства в центре картины затмевается революционной живописью Давида и его школы, для которого Брут не только отец, но и гражданин, не останавливающийся ни перед чем во имя Республики⁶⁶.

Г. В. Плеханов отмечал факт соответствия взглядов, настроений и привычек людей социальным условиям их существования и то обстоятельство, что социально-экономические условия, характеризующие положение определенного класса, всегда так или иначе отражаются на его психологии. Тем не менее, наличие общности во взглядах, чувствах и настроениях придает силу, выражающую потребности и побуждения данного класса, а также определенные тенденции исторического развития. Развитие личности пролетария прямо пропорционально развитию его самостоятельности, а она в свою очередь формируется у пролетариата в той мере, в какой он выступает как организованный класс. Поэтому чувство и сознание классовой солидарности не только не противоречит собственной инициативе и самостоятельности личности, а наоборот, является важнейшим условием развития этих качеств. «Освободительная борьба пролетариата есть массовое движение. Поэтому и психология этого движения, – писал Плеханов, – есть психология массы. Разумеется, масса состоит из отдельных лиц, а отдельные лица не тождественны между собою. В массовом движении участвуют и худые и полные, и низкие и высокорослые, и русые и черноволосые, и робкие и смелые, и слабые и сильные, и мягкие и жесткие индивидуумы. Но индивидуумы, являющиеся созданием массы, плотью от ее плоти и костью от ее костей, не противопоставляют себя ей, как любят противопоставлять себя толпе герои из буржуазной среды, а признают себя ее частью и чувствуют себя тем лучше, чем явственнее ощущается ими тесная связь, соединяющая их с нею»⁶⁷.

⁶⁶ Плеханов Г. В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. С. 426 – 427.

⁶⁷ Плеханов Г. В. К психологии рабочего движения // Там же. С. 510.

Указывал Г. В. Плеханов также и на некоторые законы коллективной психологии, в частности, социальную природу законов ассоциации идей и чувств, подражания и противодействия. Т. е. эстетическое переживание у человека происходит по определенной ассоциации с какими-либо ценностями в жизни общества, и эти социально-психологические ассоциации имели место как в истории первобытной культуры, так и в современном обществе у народов, находящихся на сравнительно невысокой ступени экономического развития. Важную роль в формировании общественной психологии, по мнению Плеханова, играют и законы подражания: «Что подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев, это не подлежит ни малейшему сомнению. На его огромное значение указывали еще материалисты прошлого века: человек весь состоит из подражания, говорил Гельвеций»⁶⁸. Но наряду с подражанием существует и определенное противодействие как отдельных лиц, так и целых социальных групп друг другу. Различая два вида подражания в пределах одного и того же класса, Плеханов рассматривал подражание низшего класса высшему как признак неразвитости самосознания первого.

Обращает внимание к психологическому материалу в своих воззрениях **А. Н. Радищев**, уделяя значительное место проблеме онтогенетического развития психических способностей человека. Его трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии»⁶⁹, написанный на основе обширного научного и философского материала, посвящен вопросу о природе сознания и механизма познания. Радищев прослеживает развитие человека и показывает, что становление его умственных сил связано прежде всего с возмужанием всего организма. Человек – «существо подражающее», воспринимающее воздействия окружающей среды, которое занимает определенное место во всеобщей постепенности природы. Мышление, по мнению Радищева, не включает в себе ничего таинственного, а представляет собой проявление особым обра-

⁶⁸ Плеханов Г. В. Письма без адреса // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. С. 295.

⁶⁹ См.: Радищев А. Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2.

зом «сложенной» материи, обладающей такими свойствами, как непроницаемость, протяженность, образ, делимость, твердость, бездействие. Материя тела не исчезает, она лишь изменяет свое состояние, мысль как сила материи тоже не может исчезнуть по естественному закону сохранения. Человек с его мышлением стоит на верхней ступеньке «лестницы существ» в живой природе. Указав целый ряд стадий психического онтогенеза, Радищев подчеркнул роль воспитания: воспитание не создает качественно новых умственных сил, оно учит лишь их лучшему употреблению. Исходя из активной роли мышления и опираясь на ряд других фактов, он приходит к выводу о существовании особой активной деятельности души, как бы не зависимой от тела, но оказывающей на него влияние.

Таким образом, представители психологического направления в социологии видели в усложнении форм общественной жизни результат развития сознательного начала. Психическая сторона человеческой личности имеет такое же детерминирующее влияние, как и условия среды. Особое внимание уделяется изучению психологического механизма человеческого поведения, его проявлениям, формам и побудительным мотивам. Из всей совокупности социальных связей в качестве основных выделяются межличностные, межличностные отношения или различные типы взаимодействия людей. При этом социальная группа трактуется прежде всего как некая психологическая общность, совокупность отношений, коллективный психический субъект.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Психологизм в творчестве Е. В. де Роберти.
2. Субъективная школа как предвестница психологического направления.
3. Развитие идей психологизма в России.
4. Факторы формирования психологической тенденции в русской социологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории социологии как самостоятельного раздела социологического знания играет архиважную роль в профессиональном становлении социолога. Без серьезного анализа генезиса представлений о социальной реальности попросту невозможен объективный взгляд на современные проблемы общества. Многие вопросы, стоящие сегодня на повестке дня, от решения которых зависит благополучие нашей страны, своими корнями уходят в далекое прошлое, и ключ к их пониманию находится в руках наших великих предшественников. Не зная и не понимая свою историю, не используя свое наследие как опорный столб при строительстве настоящего, нельзя даже надеяться на достойное будущее в мировом сообществе.

История социологии является как раз той областью социологического знания, что призвана обеспечить культурную преемственность в вопросах анализа и интерпретации социальной реальности, сформировать у будущих социологов аксиологическое ядро, тем самым вплетая их в единую нить исследовательского поиска человечества.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Натуралистические течения в русской социологии.
2. Становление неопозитивистской социологии в России.
3. Н. И. Кареев как ученый, педагог и организатор социологического образования.
4. Разработка теории личности в трудах Н. И. Кареева.
5. Субъективная школа и марксистская социология: сравнительный анализ.
6. Позитивистская перспектива в русской социологической мысли конца XIX – начала XX в.
7. Предсоциологическая мысль в России.
8. Доктрина «Москва – третий Рим» как попытка определить место и роль русского православного государства.
9. Теория исторического процесса П. Л. Лаврова.
10. Взаимоотношение героя и толпы у Н. К. Михайловского.
11. История институционализации социологии в России.
12. Основные этапы развития российской социологической мысли.
13. Первые популяризаторы идейного наследия О. Конта на русской почве: В. Н. Майков, Э. К. Ватсон.
14. Предыстория социологического знания в России: «Философические письма» П. Я. Чаадаева.
15. Н. Я. Данилевский и его концепция «культурно-исторических типов».
16. Проблема «Россия – Запад» и ее теоретическое истолкование в истории русской общественной мысли. Славянофильство и западничество.
17. Русская Высшая школа общественных наук в Париже: основные направления деятельности.
18. Органицизм и механицизм в русской социологии (П. Ф. Лилиенфельд, А. И. Стронин).
19. Географическое направление в русской социологии.

20. Социологические взгляды М. М. Ковалевского. Учение о солидарности, прогрессе, стадиях экономического роста. Концепция социологического плюрализма.

21. «Генетическая социология» М. М. Ковалевского.

22. Социологические идеи Н. К. Михайловского: социальная статика, типы кооперации. Теория «героев и толпы».

23. Социологическая концепция П. Л. Лаврова. Лавров о роли личности в истории.

24. «Субъективная школа» в русской социологии.

25. Социологические взгляды Е. В. де Роберти.

26. Проблема солидарности в работах отечественных социологов второй половины XIX – начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Арнольди С. С. [Псевдоним П. Лаврова] Задачи понимания истории. 2-е изд. СПб., 1903. 356 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель. Сочинения. Т. 8. М. ; Л., 1935. 468 с.
3. Голенкова З. Т., Нарбут Н. П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы : учеб. пособие. М., 2010. 269 с.
4. Де Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. 291 с.
5. Де Роберти Е. В. Социология. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. 368 с.
6. Илларион. Слово о Законе и Благодати // Первые книги Святой Руси. М. : Даръ, 2005. 560 с.
7. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 440 с.
8. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб. , 1996. 369 с.
9. Ковалевский М. М. Социология : в 2 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Т. 1. Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. 300 с.
10. *Он же*. Социология : в 2 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. Т. 2. Генетическая социология, или Учение об исходных моментах развития семьи, рода, собственности, государственной власти и психической деятельности. 296 с.
11. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д. : Феникс, 2003. 256 с.
12. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М. : Самообразование, 2007. 240 с.
13. Кропоткин П. А. Этика. М. : Изд-во полит. лит., 1991. 363 с.
14. Кукушкина Е. И. Русская социология и западная наука (XIX – начало XX вв.) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 113 – 119.

15. Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. 183 с.

16. Лавров П. Л. Исторические письма // Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1965. 703 с.

17. Лавров П. Л. О методе в социологии: письмо в редакцию «Знания» // Южаков С. Н. Социологические этюды / С. Н. Южаков ; вступ. ст. Н. К. Орловой, сост. Н. К. Орловой и Б. Л. Рубанова. М. : Астрель, 2008. С. 589 – 600.

18. Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1965. 704 с.

19. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : СОЦИУМ, 2014. 400 с.

20. Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. Мысли о социальной науке будущего: Человеческое общество как реальный организм. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 408 с.

21. Лилиенфельд-Тоаль П. Ф. Основные начала политической экономии. СПб., 1860. 145 с.

22. Малинин В. Старец Елеazarова монастыря Филофей и его послания. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. 1032 с.

23. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Пангея, 1995. 461 с.

24. Монтескье Ш. О духе законов // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М., 1970. 777 с.

25. Новиков Я. А. Протекционизм. СПб., 1890. 290 с.

26. Новиков Я. А. Социальный Дарвинизм / пер. А. Вяхирева. М. : Изд. В. Д. Карчагина, 1906. 27 с.

27. История развития социологии в России : учеб. пособие. М. : Изд-во Ин-та практич. психологии. Воронеж : МОДЭК, 1996. 288 с.

28. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1994. 830 с.

29. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1956. 824 с.

30. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1956. 847 с.
31. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1957. 738 с.
32. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 4. М. : Госполитиздат, 1958. 897 с.
33. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М. : Госполитиздат, 1958. 904 с.
34. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. Т. 1. XI – XII века. СПб. : Наука, 1997. 544 с.
35. Подвойский Д. Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования. 2005. С. 3 – 12.
36. Прокопович Ф. Правда воли монаршей в определении наследника державы своей. М. : Моск. тип., 1726. 88 с.
37. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 419 с.
38. Сильвестр Сиропул. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438 – 1439) : в 12 ч. СПб. : Изд-во Олега Абышко : Университетская книга, 2010. 352 с.
39. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. М., 1965. 647 с.
40. Стронин А. И. История и метод. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1869. 447 с.
41. Стронин А. И. Политика как наука. СПб., 1873. 530 с.
42. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892. 304 с.
43. Южаков С. Н. Социологические этюды / вступ. ст. Н. К. Орловой, сост. Н. К. Орловой и Б. Л. Рубанова. М. : Астрель, 2008. 1056 с.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основная литература

1. *Агапов, П. В.* Русская социология : учеб. пособие / П. В. Агапов, В. В. Афанасьев. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. – 351 с. – ISBN 978-5-88373-236-4.

2. *Галактионов, А. А.* Русская социология XI – XX веков : учебник / А. А. Галактионов. – СПб. : Лань, 2002. – 416 с. – ISBN 5-8114-0463-8.

3. *Голосенко, И. А.* История русской социологии XIX – XX вв. / И. А. Голосенко, В. В. Козловский. – М. : Онега, 1995. – 288 с. – ISBN 5-900739-11-2.

4. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. – 816 с. – ISBN 978-5-902725-25-1.

5. *Кареев, Н. И.* Основы русской социологии / Н. И. Кареев. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – 386 с. – ISBN 5-89059-006-5.

6. *Мечников, Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки : статьи / Л. И. Мечников. – М. : Прогресс, 1995. – 464 с. – ISBN 5-01-004448-X.

7. *Михайловский, Н. К.* Герои и толпа. Избранные социологические труды : в 2 т. / Н. К. Михайловский. – СПб. : Алетейя, 1998. – 362 с. – ISBN 5-89329-028-3.

8. Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) : учеб. пособие / под ред. Е. И. Кукушкиной. – М. : Высш. шк., 2004. – 456 с. – ISBN 5-06-004716-4.

9. Социологическая энциклопедия : в 2 т. / Национальный обществ.-науч. фонд ; рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – 694 с. – ISBN 5-244-01015-8, ISBN 5-244-01016-6.

10. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Ин-та социолог. РАН, 1998. – 696 с. – ISBN 5-89697-011-0.

11. *Чаадаев, П. Я.* Философические письма / П. Я. Чаадаев. – М. : Римис, 2011. – 272 с. – ISBN 978-5-9650-0081-4.

Дополнительная литература

1. Буланова, М. Б. Социологическое образование в России: история и современность / М. Б. Буланова. – М. : РГГУ, 2011. – 306 с. – ISBN 978-5-7281-1263-1.

2. Ковалевский, М. М. Природа социологии. Отношение ее к философии истории, этике и психологии. Социология и учение о социальной жизни животных. Социология и статистика / М. М. Ковалевский // Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 2. Социология как наука. – М. : Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления, 1997. – С. 15 – 39. – ISBN 5-89313-002-3.

3. Ковалевский, М. М. Родовой быт / М. М. Ковалевский // Антология русской классической социологии : тексты / сост. и коммент. Д. С. Клементьева, Л. Н. Панкова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 240 с. – ISBN 5-211-03314-0.

4. Ковалевский, М. М. Этнография и социология / М. М. Ковалевский // Антология русской классической социологии : тексты / сост. и коммент. Д. С. Клементьева, Л. Н. Панкова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – ISBN 5-211-03314-0.

5. Лавров, П. Л. О методе в социологии / П. Л. Лавров // Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 2. Социология как наука. – М. : Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления, 1997. – С. 200 – 212. – ISBN 5-89313-002-3.

6. Лавров, П. Л. Позитивизм и его задачи / П. Л. Лавров // Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 1. История социологии. Социологическое образование : тексты. – М. : Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления, 1997. – С. 211 – 232. – ISBN 5-89313-002-2.

7. Лавров, П. Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / П. Л. Лавров ; сост. и примеч. И. С. Книжника-Ветрова ; под общ. ред. А. Ф. Окулова. – М. : Мысль, 1965. – 704 с.

8. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев : сборник / отв. ред. и сост. А. Ф. Замалеев. – СПб. : Наука, 1991. – С. 171 – 296. – ISBN 5-02-027302-3.

9. *Миронов, Б. Н.* Историческая социология России : учеб. пособие / Б. Н. Миронов ; под общ. ред. В. В. Козловского. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербург. ун-та : Интерсоцис, 2009. – 536 с. – ISBN 978-5-94348-055-3.

10. *Мяло, К. Г.* Между Западом и Востоком. Опыт геополитического и историософского анализа / К. Г. Мяло. – М. : Изд-во А. В. Соловьева, 2003. – 224 с. – ISBN 5-94191-005-0.

11. *Подвойский, Д. Г.* Антиномия «Россия – Запад» и проблема социокультурной самобытности : монография / Д. Г. Подвойский. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 299 с. – ISBN 5-209-01829-6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Русская общественная мысль со времен Киевской Руси до второй половины XIX века	5
Вопросы для самостоятельной работы	20
Глава 2. Позитивистская перспектива в русской социологической мысли второй половины XIX – начала XX века	21
Вопросы для самостоятельной работы	40
Глава 3. Субъективная школа в русской социологии	41
Вопросы для самостоятельной работы	54
Глава 4. Органицизм в русской социологии	55
Вопросы для самостоятельной работы	67
Глава 5. Географический детерминизм в русской социологической мысли	68
Вопросы для самостоятельной работы	77
Глава 6. Психологизм как тенденция в русской социологии	77
Вопросы для самостоятельной работы	86
Заключение	87
Темы рефератов	88
Библиографические ссылки	90
Рекомендательный библиографический список	93

Учебное издание

ЕРЕМЕЕВ Александр Евгеньевич

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Учебное пособие

Редактор Е. С. Глазкова
Технический редактор С. Ш. Абдуллаева
Корректор Е. П. Викулова
Компьютерная верстка Е. А. Балясовой

Подписано в печать 10.06.16.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 5,58. Тираж 60 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.